

А.Г. Бакланов

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК:
«ДОРОЖНАЯ КАРТА»
РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Москва 2006

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: «ДОРОЖНАЯ КАРТА» РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

А.Г.Бакланов

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК: «ДОРОЖНАЯ КАРТА»
РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Москва 2006

ББК: 66.4 (5)

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: «ДОРОЖНАЯ КАРТА» РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
М., 2006, 136 стр.

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-165-9

ISBN 5-89394-165-9

© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	6
Раздел 1	
АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ – СТЕРЖНЕВАЯ ПРОБЛЕМА БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	8
Раздел 2	
КОНФЛИКТНЫЕ СОПРЯЖЕНИЯ В ЗОНЕ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА.....	37
Раздел 3	
ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ «СРЕЗ» ПРОБЛЕМЫ..	73
Заключение	
«ДОРОЖНАЯ КАРТА» СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.....	104
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ.....	108
SUMMARY.....	114

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Книга, представленная вниманию читателя, – редкий пример подробного изложения позиции и действий российской дипломатии в острых кризисных ситуациях, возникавших и возникающих на Ближнем и Среднем Востоке. Опыт советского периода, российские инициативы последних полутора десятилетий, европейские и американские шаги, предложения ближневосточных государств составляют фактуру насыщенного фактами текста, из которых на страницах работы профессионального российского дипломата выстраиваются хитросплетения ближневосточной военно-политической мозаики.

Автор уделяет значительное внимание тому, как выстраивались и почему сменяли друг друга многосторонние и двусторонние инициативы, насколько противоречивы были интересы не только конфликтующих сторон, но и посредников в урегулировании их споров, как соперничали на протяжении описываемого периода времени Великие Державы. Книга позволяет зримо ощутить, как глобальное военно-политическое противостояние двух мировых идеологических систем сменилось конкуренцией, борьбой за влияние и ресурсы, зачастую не менее разрушительной по своим последствиям, чем прямые конфликты их сателлитов, оставшиеся в прошлом.

Российская дипломатия была и остается сторонницей комплексного подхода к проблемам безопасности, выстраивания коллективной системы сдержек и противовесов, взаимных гарантий и сотрудничества стран региона. До настоящего времени система эта не выстроена, хотя отдельные ее элементы в разные периоды времени удавалось создать в рамках многосторонних переговоров, конференций и комиссий.

Останется ли Ближний и Средний Восток зоной вооруженного противостояния и перманентных кризисов, во многом зависит от того, удастся ли в конечном счете обустроить в этом регионе именно коллективную безопасность. Как показывает опыт, на протяжении XX века все без исключения внешние рецепты по ее достижению оказывались малорезультативными.

Новое столетие не слишком отличается в этом отношении от предыдущего. Именно поэтому в регионе в качестве итоговых аргументов в противостоянии между составляющими его странами, а также политическими, национальными и религиозными движениями, борющимися за свои интересы, до сих пор доминируют грубая сила и прямое давление. Это же касается присутствующих на БСВ внешних сил, в первую очередь США и их союзников по коалиционным силам, оккупирующим Афганистан и Ирак.

Можно соглашаться или не соглашаться с аргументами автора, в т.ч. в оценке перспектив столь спорных инициатив, как Женевская. Нельзя, однако, не оценить его высокого профессионализма, глубокого личного знания описываемого предмета и детальной проработки российской внешнеполитической позиции в его изложении. Книга не только является зримым свидетельством эпохи, но и превосходно иллюстрирует работу отечественного МИДа на одном из самых сложных участков мировой политики. Она заслуживает внимания не только профессионалов-специалистов по Ближнему и Среднему Востоку, но и студентов профильных вузов, которые готовятся войти в их число.

Евгений Сатановский
Президент ИБВ

ВВЕДЕНИЕ

Непрекращающиеся военные столкновения в Ираке, тупики в решении арабо-израильского противостояния, отсутствие каких-либо механизмов сдерживания гонки вооружений в регионе – эти и многие другие проблемы свидетельствуют об **остроте и «хроническом», затяжном характере ближневосточного «узла противоречий»**.

Вместе с тем расширяющийся «набор» конфликтных и кризисных ситуаций на Ближнем Востоке отражает и тот факт, что стратегия и тактика действий как расположенных здесь стран, так и международного сообщества в целом в ключевых блоках региональной безопасности **не приносят желаемых результатов**. Это со всей наглядностью продемонстрировала победа в январе 2006 года на выборах в ПНА радикальной группировки ХАМАС. Требуются не только обстоятельный **критический ретроспективный анализ** причин этого феномена, но и **выработка «работающих», сориентированных на реалии подходов** к вопросу о разблокировании уже имеющихся и профилактике новых региональных конфликтов.

Настоящая работа имеет три раздела, в каждом из которых анализируется один из наиболее существенных аспектов нынешней региональной проблематики безопасности: ближневосточное урегулирование, ситуация в Персидском заливе (включая иракский вопрос), угрозы со стороны экстремистских и террористических организаций и групп.

Итогом исследования является разработка комплекса мер, направленных на создание региональной системы обеспечения безопасности, стабильности и мира. Для придания этому «набору» мероприятий внутренней логики и последовательности предлагаемые шаги в сфере безопасности даны в виде **«дорожной карты»**.

Основная идея автора заключается в следующем.

В течение десятилетий Ближний Восток сохраняет свое «лидерство» с точки зрения наличия здесь конфликтных и кризисных ситуаций, непредсказуемости развития обстановки. Это

один из немногих районов мира, где **отсутствуют общерегиональные инструменты поддержания стабильности, где по существу так и не началось формирование системы безопасности расположенных здесь государств.**

Предпринимавшиеся до сих пор попытки переломить ситуацию в этой сфере давали весьма ограниченные результаты. При этом прогресс на одном направлении зачастую «гасился» всплеском напряженности на другом.

В 2002 году была предложена «Дорожная карта» разблокирования арабо-израильского конфликта. К сожалению, до практической реализации этого документа дело так и не дошло. Одним из факторов, обусловивших такое развитие событий, стало резкое обострение ситуации вокруг Ирака.

Как представляется, регион нуждается в **качественно новом подходе к решению вопросов безопасности.** Этот подход должен базироваться на признании того, что все **ключевые «составляющие» нынешней региональной обстановки взаимосвязаны.** В силу этого говорить о создании сколь-либо устойчивой и эффективной системы безопасности можно лишь в том случае, если она будет носить **общерегиональный характер** и давать ответ на **законные озабоченности всех расположенных здесь государств.** Исходя из этого, «дорожная карта» ближневосточной системы безопасности должна органично включать тематику арабо-израильского противостояния, а также других наиболее крупных региональных и субрегиональных проблем. Естественно, для выработки такой «всеохватывающей» программы требуется анализ причин, обусловивших отсутствие сколь-либо значительных результатов в поиске мирных развязок имеющихся кризисов и конфликтных ситуаций.

В этом контексте начнем работу с рассмотрения ситуации в сфере арабо-израильского конфликта и проблем ближневосточного мирного процесса.

Раздел 1
АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОЕ
УРЕГУЛИРОВАНИЕ – СТЕРЖНЕВАЯ
ПРОБЛЕМА БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Наиболее «старый» и вместе с тем «устойчивый» **конфликт в регионе Ближнего Востока** – продолжающаяся уже более полувека конфронтация арабских стран, палестинского народа с Израилем. Арабо-израильский конфликт в течение десятилетий являлся и в значительной мере остается до сегодняшнего дня **ключевым элементом проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке**.

Подготовлены сотни исследований, проведены десятки международных и региональных форумов по тематике ближневосточного урегулирования, однако решений, которые удовлетворяли бы **трем основополагающим критериям – взаимная приемлемость, комплексный общерегиональный характер, выполнимость** – до сих пор найти не удалось.

У каждой из конфликтующих сторон есть соответствующие доводы, аргументы в пользу своей позиции. Вместе с тем за десятилетия противостояния накопились «обиды» и претензии друг к другу, что делает пока невозможным создание в регионе климата доверия. Ситуация усугубляется и тем, что в ближневосточных государствах сформировалась мощная прослойка населения, «приспособившаяся» к условиям конфронтации и, более того, в ряде случаев умело извлекающая из состояния перманентной напряженности определенные политические и иные дивиденды. В силу этого для перехода к миру требуется не только политическая воля высшего руководства противоборствующих сторон, но и преобладание мирных веяний внутри арабского, прежде всего палестинского, и израильского истеблишментов, расширение влияния умеренных, реалистически мыслящих деятелей.

Высказывалось немало планов достижения ближневосточного урегулирования, однако ни один пока не дал желаемых результатов.

Как представляется, можно было бы следующим образом резюмировать основные факторы и причины, обусловившие создание такого рода ситуации.

Первое. Международно-правовые основы ближневосточного мирного процесса, следует признать, излишне «лаконичны» и «эластичны».

Мадридской конференцией 1991 года, инициировавшей движение к миру между арабами и Израилем, были особо отфиксированы лишь **резолюции 242 и 338 СБ ООН**.

Принято интерпретировать эти резолюции как закрепляющие принцип **«земля в обмен на мир»**, то есть возвращение оккупированных Израилем в ходе конфликта 1967 года арабских земель в обмен на признание арабскими странами Государства Израиль, включение его в региональные структуры политического, экономического и иного характера.

Следует отметить, что, строго говоря, такой формулировки – «мир в обмен на территории» в указанных резолюциях нет, хотя она действительно отражает основной смысл этих документов.

Резолюция 242 была принята 22 ноября 1967 года. (Проект этого документа внес лорд Карадон, представитель Великобритании в Совете Безопасности).

Это – небольшой по объему (двухстраничный) документ. В нем отмечается, что после «шестидневной войны» 1967 года ситуация на Ближнем Востоке первоначально была обсуждена Генеральной Ассамблеей ООН, которая передала затем этот вопрос Совету Безопасности¹.

В преамбуле резолюции подчеркивается «неприемлемость захвата территории военным путем» и говорится о необходимости работать в направлении установления «справедливого и прочного мира», при котором «каждое из государств региона могло бы жить в безопасности».

Статья первая резолюции определяла два основных принципа, которых необходимо было придерживаться при осуществлении мер, призванных гарантировать мир на Ближнем Востоке:

– вывод израильских вооруженных сил с «оккупированных в ходе последнего конфликта территорий» (необходимо отметить, что в тексте резолюции на английском языке слово «территории» – «territories» – приведено без определенного артикля. В последующем это послужило причиной различий в трактовке того, какие именно территории должны быть освобождены Израилем в контексте выполнения резолюции 242);

– отказ от всех претензий или ситуаций, связанных с состоянием войны, уважение и признание суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого из государств региона и их права жить в мире в безопасных и признанных границах без угрозы применения силы или силовых акций.

Статья вторая подтверждала необходимость обеспечения гарантий свободы мореплавания через международные водные пути в регионе и достижения справедливого решения проблемы беженцев. В ней также говорилось о недопущении нарушения территориальной целостности и политической независимости каждого государства региона путем принятия соответствующих мер, включая создание демилитаризованных зон.

В статье третьей предусматривалось, что Генеральный секретарь ООН назначит своего специального представителя для поддержания контактов с государствами региона и оказания содействия достижению мира и урегулированию конфликта в соответствии с положениями и принципами настоящей резолюции.

Наконец, согласно статье четвертой, Генеральный секретарь ООН должен был представить доклад о деятельности своего специального представителя в самые сжатые сроки².

В соответствии с резолюцией 242 в 1967–1973 гг. миссию спецпредставителя Генерального секретаря ООН осуществлял многоопытный и гибкий дипломат, посол Швеции в Москве Гуннар Ярринг.

В момент принятия резолюции казалось, что острота положения на Ближнем Востоке, необходимость возобновления работы Суэцкого канала, успешное достижение великими державами компромисса по резолюции 242 СБ ООН обеспечат достаточно быстрое продвижение к урегулированию на Ближнем Востоке. Но этого не случилось.

Арабские государства были настроены на то, что международное сообщество будет «дожимать» Израиль в плане практического выполнения требований резолюции 242 в части, касающейся вывода израильских войск с оккупированных территорий. Однако, как вскоре стало совершенно очевидно, это не могло произойти с учетом жесткой позиции Израиля, который был склонен рассматривать оккупированные в ходе конфликта земли в качестве «козырей» для очень «обстоятельного» и неспешного – сориентированного на достижение устой-

чивого мира в масштабах всего региона – разговора. При этом, по мысли израильтян, главное внимание должно было быть уделено вопросам обеспечения безопасности. В беседах с Г. Яррингом они настаивали на том, чтобы уже на начальном этапе переговоров были четко и ясно решены вопросы, связанные с формированием «условий мира» и вхождения Израиля в региональную систему государств отнюдь не в качестве «вражеской страны»³.

Миссия Г. Ярринга официально была прекращена в 1973 году, однако фактически гораздо раньше – уже к началу 1970 г. выяснилось, что она не сможет привести к установлению мира в регионе⁴.

Резолюция 338 была единогласно принята Советом Безопасности 22 октября 1973 года по следам «октябрьской войны» – крупномасштабных столкновений сил арабов с израильтянами.

Этот документ – еще более лаконичный, чем резолюция 242. В нем содержался призыв (пункт 1) ко всем сторонам немедленно прекратить военные действия и оставаться на позициях, которые они занимали к моменту принятия резолюции.

Далее (пункт 2) резолюция призывала все заинтересованные стороны незамедлительно после прекращения военных действий начать выполнение всех положений резолюции 242 СБ ООН.

Наконец, в пункте третьем говорилось о том, что все заинтересованные стороны должны были немедленно и одновременно с прекращением огня начать переговоры под соответствующей эгидой в целях установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке⁵.

Что касается других документов ООН (помимо резолюций СБ 242 и 338), то они, естественно, имеют существенное политическое значение. Вместе с тем эти документы не были упомянуты прямо в «мандате» на переговоры, который был сформулирован в Мадриде.

Таким образом, «документальная база» ближневосточного мирного процесса содержит лишь самые общие ориентиры. Поэтому далеко не случайно «основополагающие» принципы по-разному толкуются заинтересованными сторонами, что, конечно, не может не осложнять движение к урегулированию.

Второе. Организационные модальности мирного процесса неоднократно менялись, при этом так и не удалось найти их оптимального варианта.

Если брать предысторию мирного процесса, то стоит особо отметить, что в середине – конце 1970-х годов Египет и Израиль при активном американском посредничестве сумели выйти на заключение мирного договора (Кэмп – Дэвид, 1979 г.) Вместе с тем этот успех имел ограниченный – чисто двусторонний характер – и не привел в то время к «коммулятивному» эффекту, на что рассчитывали его сторонники.

Более эффективным и всеобъемлющим обещал стать **мадридский переговорный процесс**, начало которому было положено международной конференцией, состоявшейся 30 октября – 1 ноября 1991 года в испанской столице.

В Мадриде под сопредседательством («коспонсорство») нашей страны и США, в присутствии представителей ООН были «запущены» так называемые двусторонние «треки» (переговоры израильтян с палестино-иорданской, впоследствии раздельных – палестинской и иорданской, а также с сирийской и ливанской делегациями).

«Формула» мирного процесса на Ближнем Востоке, согласованная в 1991 году в испанской столице, предполагала **сочетание пленарных заседаний конференции и двусторонних «треков»**. При этом ряд делегаций (в том числе советская) исходил из того, что **пленарный формат** имеет своего рода приоритет и именно в ходе пленарных заседаний будут утверждаться договоренности, достигнутые в результате прямых двусторонних контактов и переговоров.

Помимо этого, в январе 1992 года в Москве было инициировано **многостороннее «измерение»** ближневосточного мирного процесса. Были созданы **пять рабочих групп**: по контролю над вооружениями и региональной безопасности (РГКВРБ), беженцам, по водным ресурсам, экономическому развитию, проблемам окружающей среды. Многостороннее направление призвано было решать очень важную задачу – искать развязки наиболее крупных проблем общерегионального масштаба. Предполагалось, что благодаря «объединяющему» моменту в работе многосторонних групп именно в этом формате удастся (причем скорее, чем на двусторонних направлениях) преодолеть психологический барьер отчуждения между арабами и израильтянами, создать климат взаимного доверия.

К мероприятиям в рамках многосторонних переговоров был привлечен ряд стран Европы, а также Канада, Япония, Китай. Это позволяло весьма эффективно использовать опыт и возможности различных государств в целях нахождения оптимальных путей решения проблем регионального масштаба.

Сирия и Ливан не участвовали в многосторонних переговорах. Они настаивали на том, что первоначально следует добиться значимого продвижения на двусторонних направлениях, в первую очередь в том, что касается прекращения израильской оккупации арабских земель⁶.

В дальнейшем, однако, механизм мирного процесса оказался коренным образом видоизменен. В норвежской столице – Осло в конце 1992 года были организованы прямые закрытые переговоры между представителями ООП и Израиля, которые привели к подписанию «Декларации принципов» о временных мерах по самоуправлению палестинских территорий.

Развитие событий показало, что выработать компромиссные договоренности «дискретным» путем было легче, чем в открытых (в том числе, для общественности и СМИ) дискуссиях. Вместе с тем уже вскоре очевидным стало и то, что достигнутые таким образом компромиссы значительно труднее было «провести», «продать» через политические институты и общественное мнение каждой из сторон.

Изменялся в течение всего периода, следовавшего за проведением Мадридской конференции 1991 года, институт внешних «спонсоров» мирного процесса. Уже на начальном этапе реализации решений этого форума в условиях нарастания хаоса и обострения финансово-экономического кризиса в Советском Союзе начались определенные трудности в осуществлении Москвой функций одного из двух – наряду с США – коспонсоров. Вместе с тем Российская Федерация без каких-либо особых осложнений «унаследовала» этот статус, и вплоть до середины 1990-х годов данный инструмент мирного процесса сохранялся и функционировал. Представители двух коспонсоров вели заседания многосторонних рабочих групп и других форумов в рамках ближневосточного мирного процесса. Правда, порой происходили достаточно «тревожные» для российской стороны события. Так, в сентябре 1999 года Россия как бы «выпала» из числа приглашенных в египетский город Шарм аш-Шейх, где происходил важный раунд палестино-израильских переговоров (там присутствовали представители США, Египта и Иордании).

В 1994–95 гг. странами Европы инициировалась дискуссия в отношении «дополнения» «команды» коспонсоров представителями ЕС.

Этот вопрос оказался в центре повестки дня прошедшего в ноябре 1995 года в Каире заседания весьма авторитетной в международных кругах Группы по Ближнему Востоку Социалистического Интернационала. Руководил работой совещания один из старейших общественно-политических деятелей ФРГ Г.-Й.Вишневски. Автор данной работы присутствовал на этой встрече в качестве специально приглашенного гостя.

Логика многих из выступавших на заседании группы европейских экспертов сводилась к тому, что все более весомое участие ЕС в поисках мира на Ближнем Востоке, масштабы финансово-экономической помощи стран Европы, адресованной палестинцам, различным арабским государствам, дают основания для предоставления Европейскому Союзу статуса коспонсора наряду с США и РФ.

Ряд делегаций поддержал этот тезис, однако были и скептики. Дискуссия была практически свернута после выступления одного из участников, обратившего внимание на то, что органы ЕС, отражающие на консенсусной основе подходы к тем или иным проблемам целого ряда государств, лишены важнейшего качества, совершенно необходимого для коспонсора мирного процесса в весьма «турбулентном» ближневосточном регионе, – способности оперативно реагировать на происходящие события.

В конце 1990-х годов вопрос о предоставлении ЕС более весомой роли в мирном процессе с «подачи» европейцев стал все более активно обсуждаться на различных международных форумах. В дальнейшем эта проблема нашла свое решение при создании (апрель 2002 года) так называемой «четверки» международных посредников в составе США, Российской Федерации, ЕС и ООН. При этом нельзя не признать, что статус коспонсоров в какой-то мере оказался «оттенен» новым, правда, достаточно «логично» составленным форматом.

Все отмеченные формы международного содействия мирному процессу – американско-российское коспонсорство, «четверка» международных посредников – способствовали решению многих из возникших проблем. Вместе с тем они так и не смогли подвести основные противоборствующие стороны – палестинцев и израильтян – к достижению «работающих» договоренностей.

Как представляется, в деятельности указанных выше организационных механизмов не доставало «субстанции», способности профессионально, со знанием реалий региона подсказывать наиболее оптимальные пути решения. Без сомнения, решающую роль в поиске компромиссов должны играть страны, прямо вовлеченные в конфликт. Сделать за них работу, связанную со сближением позиций сторон, не может никто. Однако фактом остается и то, что посредники не нашли пока «ключа» для перевода ближневосточного конфликта – во всех его основных «составляющих» – в стадию урегулирования.

Третье. Слабая сторона мирного процесса – его недостаточное экспертное обеспечение, в особенности в последние 5–10 лет, в результате чего отсутствует надежный прогноз развития событий. Наиболее ярко это проявилось в связи с победой ХАМАС на выборах в ПНА. При этом, к сожалению, нередко имеет место необъективное отношение к предложениям тех специалистов, которые выступают «с особым мнением». Правильные и обоснованные прогностические работы далеко не всегда принимаются во внимание политиками-практиками, в результате постоянно встречаются «неожиданные» препятствия на пути переговорного процесса. Также требуется более объективный и непредвзятый подход к оценке реальных результатов политики тех или иных политических деятелей и правящих элитарных групп. Так, задолго до поражения на выборах в законодательный орган ПНА руководства ФАТХ, раздавались голоса с конкретной критикой важнейших аспектов экономической и социальной политики Я.Арафата – Абу Мазена, однако достаточно серьезных выводов по этой информации не делалось, массивная помощь ПНА использовалась неэффективно.

Слабость экспертного потенциала проявилась и в отсутствии ясности в отношении ситуации в «сегменте» радикально настроенных элементов в странах ближневосточного региона. Внутри этого лагеря находятся группировки и «центры силы», имеющие существенные различия в своей стратегической и тактической линии. Многочисленные организации и группы, комплектующиеся из числа критически настроенных слоев населения, автоматически «записывались» в лагерь «противников мирного процесса», в то время как основу для их «протестного» поведения составляли главным образом не пробле-

мы мирного процесса, а неудовлетворенность результатами социально-экономического курса правящей верхушки.

Четвертое. Усилия, предпринимаемые в двустороннем и многостороннем формате, в ряде случаев не приводили к каким-либо позитивным результатам в силу изменений внутривнутриполитической обстановки в отдельных странах. Пример – довольно энергичный старт переговоров об окончательном статусе палестинских территорий в Табе в мае 1996 года не получил дальнейшего развития, так как победивший на выборах в Израиле Б.Нетаньяху пересмотрел позицию своей страны в отношении проблематики переговорного процесса с палестинцами.

Пятое. Контрпродуктивными были попытки использования механизмов мирного процесса в качестве «рычага» для оказания давления одной стороны на другую сторону. Так, в 1995–96 гг. египетская дипломатия, а затем и другие арабские страны фактически инициировали свертывание многостороннего формата мирных переговоров о будущем Ближнего Востока. Египтяне обосновывали «необходимость» приостановки участия арабов в «многосторонке» желанием « продемонстрировать » израильтянам крайнее неудовлетворение арабских участников переговорного процесса ситуацией, создавшейся в тот период на палестинских землях. На практике же такой бойкот, не оказав сколько-либо существенного воздействия на руководство Израиля, привел лишь к тому, что многосторонние переговоры оказались замороженными. Между тем именно в рамках многостороннего формата функционировала специализированная группа по проблематике контроля за вооружениями и региональной безопасности и шел достаточно предметный и профессиональный разговор по многим важнейшим общерегиональным проблемам.

Россия неоднократно предпринимала попытки восстановить работу многосторонних групп. Примечательно, что первым крупным международным форумом, в котором принял участие в качестве высшего руководителя России В.В.Путин, стала встреча в Москве в феврале 2000 г. участников ближневосточного мирного процесса по вопросу возобновления деятельности рабочих групп. К сожалению, весьма конструктивные решения по этому вопросу в дальнейшем не были выполнены.

Шестое. Приходится констатировать, что до настоящего времени так и не был создан механизм «удержания»

достижений переговорного процесса. Так, результаты контактов между Сирией и Израилем, которые велись в начале 2000 г., не были зафиксированы сторонами, и в последующем даже самое общее понимание сути устных договоренностей стало предметом острых разногласий.

Также «зависли» наиболее «продвинутые» за всю историю палестино-израильских конфликтов договоренности, достигнутые в июле 2000 года в ходе встреч в Кэмп-Дэвиде.

Седьмое. Далеко не в полной мере использовался дипломатический арсенал, апробированный при решении других сложных международных и региональных проблем.

Так, в ходе палестино-израильских переговоров не раз камнем преткновения становились вопросы, носящие во многом «символический» характер. Это, к примеру, относилось к проблематике Иерусалима, суверенитета над Храмовой горой и др.

Данный вопрос поднимался на ряде форумов специалистов по ближневосточной проблематике. В частности, он стал одним из ключевых в ходе международной конференции по региональной безопасности на Ближнем Востоке, проведенной в Омане в октябре 2000 года, на которой российскую сторону представлял автор настоящей работы.

В своем выступлении на этой встрече мы высказали мысль о возможности использования опыта «развязок», успешно примененных во время подготовки одного из самых сложных дипломатических документов по европейской проблематике – соглашения между ФРГ и ГДР 1970 года. Западная Германия, согласившись на советско-восточногерманский вариант трактовки «послевоенных реалий», включая существование в качестве самостоятельного государства Германской Демократической Республики, выступила при подписании соглашения с так называемым «интерпретирующим заявлением» по вопросу о единстве Германии. В этом документе Бонн подтвердил, что он допускает возможность – при определенных обстоятельствах – мирного воссоединения Германии. Строго говоря, это заявление – с советской и восточногерманской точки зрения – не входило в пакет официальных документов. Вместе с тем его опубликование помогло правительству ФРГ убедить общественное мнение страны в правильности выбора, не только открывавшего возможности расширения связей с СССР, но и позволявшего активизировать идеологическую работу внутри Восточной Германии (что впоследствии во многом поспособствовало в новых

исторических условиях воссоединению страны). Нечто подобное («интерпретирующие заявления» по Иерусалиму как столице одновременно и арабского, и еврейского государств, по Храмовой горе) могло бы преодолеть тупики в палестино-израильских переговорах, сняв «избыточную» напряженность ситуации, связанную с восприятием общественным мнением эвентуальных договоренностей.

Восьмое. Недостаточно, на наш взгляд, до сих пор был задействован потенциал специалистов из третьих стран для выработки компромиссных развязок. Естественно, никто не может подменить или заменить непосредственно вовлеченные в конфликт стороны в том, что касается достижения конкретных соглашений. Вместе с тем следует признать, что в вопросах ближневосточного урегулирования «внерегиональные» усилия, как правило, не шли дальше общих деклараций, советов самого широкого плана. Все это оказывало весьма ограниченное влияние на «ткань» переговорного процесса. В то же время стремление «поглубже» войти в субстанцию проблем (как это было, к примеру, во время переговоров в Кэмп-Дэвиде в июле 2000 года с участием Дж.Клинтона и большой команды специалистов-ближневосточников) придало мощный импульс поискам компромиссных развязок.

Девятое. Во многом изжил себя принцип «дробления» на этапы переговорного процесса (это относится прежде всего к палестино-израильскому треку). На какой-то период (старт переговорного марафона) использование этого метода ведения дел имело смысл, – это помогало «усадить» стороны за стол переговоров. Так, в период подготовки Конференции в Мадриде в 1991 году при формулировании задач мирного процесса на палестино-израильском направлении было решено передвинуть на второй этап переговоров наиболее трудноразрешимые проблемы (беженцы, будущее Иерусалима, окончательный статус палестинских территорий и т.п.). Однако постоянное перекладывание «на потом» принципиальных вопросов ближневосточного урегулирования давало в руки радикалов повод утверждать, что мирный процесс «в силу своей природы» и «истинных намерений сторон» якобы не может привести к решению коренных проблем урегулирования, что он лишь «имитирует» движение к миру. И в среде палестинцев, и в лагере израильтян раздавались голоса, требовавшие разъяснить, в каком направлении идет мирный процесс. С учетом этого все

больше стала ощущаться потребность внести определенность в параметры конечных договоренностей.

Десятое. Слабо использовались возможности так называемого «параллельного трека», т.е. переговоров и контактов, которые велись параллельно и в дополнение к «официальному», государственному формату переговоров. Между тем именно здесь зачастую высказывались потенциально весьма продуктивные идеи и предложения.

Остановимся для иллюстрации на двух примерах – так называемом «женевском документе», подготовленном группой либерально настроенных политиков и сторонников мира из числа израильтян и палестинцев, а также документе по модальностям урегулирования на всех направлениях ближневосточного мирного процесса, составленном Независимой международной группой экспертов во главе с бывшим президентом Финляндии М.Ахтисаари и бывшим премьер-министром Австралии Г.Эвансом.

Что касается первого документа – так называемого «Женевского проекта соглашения», то при его подготовке были использованы многие идеи и наработки специалистов и экспертов, озвученные на форумах и мероприятиях в рамках ближневосточного мирного процесса.

Основными авторами «женевского документа» были Й.Бейлин, в прошлом высокопоставленный израильский дипломат, и один из основных «конструкторов» мирных договоренностей Осло-1, известный палестинский политический деятель Я.Абд аль-Раббо.

Й.Бейлин и Я.Абд аль-Раббо ставили своей целью разработать и предложить сторонам возможные варианты договоренностей по вопросам окончательного статуса.

План предусматривал необходимость признания Израилем «государства Палестина» и немедленное признание палестинским государством государства Израиль.

Государство Палестина должно было рассматриваться непосредственным «продолжателем» политических функций Организации Освобождения Палестины – ООП и нести ответственность за взятые ООП обязательства.

План предусматривал широкий спектр общих интересов и зон ответственности палестинцев и израильтян как в области безопасности, так и финансово-экономической сфере. Так, стороны должны были образовать смешанный комитет содей-

ствия на министерском уровне для решения вопросов отладки отношений между двумя государствами. Помимо этого предполагалось сформировать разветвленную систему международного мониторинга из числа представителей США, России, ЕС, ООН и создать международные силы по наблюдению.

Вопрос о границах должен был решаться на основе резолюций 242 и 338 СБ ООН, принципа возвращения к линиям, существовавшим на 4 июня 1967 года. Предусматривалось создание постоянного коридора, соединяющего Западный берег р.Иордан с сектором Газы.

Обе стороны должны были взять обязательство воздерживаться от применения или угрозы применения силы. Предусматривался также широкий набор обязательств в целях укрепления режима безопасности, противостояния опасности терроризма.

Израиль и Палестина призывались совместно работать в целях формирования системы безопасности и стабильности на Ближнем Востоке, создания в регионе зоны, свободной от ОМП.

Палестина, согласно «женевскому документу», превращалась в демилитаризованное государство, имеющее вместе с тем достаточно мощные силы безопасности. К задачам, стоящим перед этими силами, относились: контроль за границами, полицейские функции, предотвращение актов террористического характера, выполнение задач чрезвычайного характера в интересах общественной безопасности.

Стороны должны были взять на себя обязательство неукоснительно осуществлять весь набор мер в интересах недопущения каких-либо проявлений террористической активности радикалов. Создавалась трехсторонняя комиссия по контролю за ситуацией в сфере антитеррора в составе представителей израильтян, палестинцев, а также американцев.

Израильтяне должны были вывести с палестинских земель все свои вооруженные формирования. При этом давался конкретный график вывода войск, сориентированный на период, не превышающий 36 месяцев.

Важное место в «Женевском документе» заняли вопросы будущего устройства Иерусалима. В нем, в частности, отмечалась целесообразность обеспечения того, чтобы Иерусалим был одновременно столицей двух государств – Израиля и Палестины. Закреплялся особый статус города как центра трех мировых религий. В отношении Храмовой горы говорилось о необходимости формирования специальной группы мониторинга, в которую вхо-

дили бы, в частности, государства – члены ОИК. Группа призвана была способствовать обеспечению безопасности в этом особом районе Иерусалима. Вместе с тем ряд важных проблем статуса Иерусалима не был изложен достаточно детальным образом. Также несколько «пунктирно» говорилось о проблеме беженцев.

В целом же документ можно было бы охарактеризовать как попытку вывода палестино-израильского переговорного процесса на путь обсуждения «вопросов существа», что имело положительное значение в ситуации полной приостановки мирного процесса на этом направлении.

Характеризуя данный проект, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации А.В.Салтанов отмечал, что появление «Женевского соглашения» отражает тот факт, что в израильском и палестинском обществе нарастают настроения в пользу поиска политического выхода из создавшейся тупиковой ситуации. Проект соглашения носил неформальный характер, в его составлении не принимали участия официальные представители Израиля и ПНА. Вместе с тем, по оценке российской стороны, проделанная работа была весьма полезной. Она позволила продемонстрировать способность палестинцев и израильтян совместно находить варианты решения сложнейших проблем и искать разумную альтернативу силовой конфронтации. Как отметил А.В.Салтанов, «Женевское соглашение» могло бы главным образом оказаться востребованным на заключительном этапе осуществления плана «дорожной карты», когда будет дан старт официальным переговорам по вопросам окончательного статуса⁷.

В феврале 2003 года делегация представителей израильского и палестинского «лагеря мира» была принята в Москве. Й.Бейлин и Я.Абд Раббо передали российской стороне совместное послание, адресованное министру иностранных дел РФ И.С.Иванову. В этом обращении они информировали министра о проделанной их группой работе. В свою очередь авторам «Женевского соглашения» было направлено ответное послание российского министра с изложением подходов Москвы к проблематике израильско-палестинских отношений⁸.

Следует признать, что «Женевское соглашение» не было востребовано сторонами – во всяком случае на тот период времени. Вместе с тем его появление и содержание показали наличие большого творческого потенциала в разработках

представителей общественно-политических и научных кругов заинтересованных стран.

Помимо «Женевского соглашения» важное значение для всестороннего осмысления ситуации в ближневосточном урегулировании имели публикации Независимой международной группы экспертов во главе с бывшим президентом Финляндии М.Ахтисаари и бывшим премьер-министром Австралии Г.Эвансом, беседы этих известных политических деятелей с руководителями ближневосточных стран.

В 2002 году группой были опубликованы три «пакета» проектов соглашений по каждому из переговорных «треков» ближневосточного мирного процесса – израильско-палестинскому, израильско-сирийскому и израильско-ливанскому. Эти наработки содержали примерные линии возможного компромисса между сторонами конфликта. В отличие от многих других планов предложения Независимой группы содержали много конкретики, достаточно ясно и четко сформулированных предложений по выходу на «развязки» имевшихся острых проблем.

Группа представила свои проекты в ходе контактов с представителями руководства арабских стран и Израиля.

Основные положения этих документов сводились к следующему⁹.

Независимые эксперты подвергли сомнению целесообразность и «выполнимость» на практике «трехэтапной» схемы урегулирования на палестино-израильском направлении. Они высказали мысль о том, что план создания первоначально лишь «временного государства» на палестинских землях лишает палестинцев реальной перспективы и заинтересованности в достижении прогресса на переговорах с израильтянами ввиду отсутствия у такого «палестинского временного государства» даже минимального объема «реквизитов» суверенитета.

Таким образом, фактически была выдвинута альтернативная другим планам программа действий на палестино-израильском направлении, основанная на «раннем» решении вопросов, относящихся к так называемому окончательному статусу палестинских территорий.

По мнению группы, финальное палестино-израильское мирное соглашение должно было содержать такие компоненты:

– создание палестинского государства на землях, оккупированных Израилем после 4 июня 1967 года. Израиль мог бы

аннексировать не более 4% земель Западного берега р. Иордан в целях перемещения туда всех израильских поселенцев;

– Палестина становится демилитаризованным государством, в котором размещаются многонациональные силы во главе с представителями США для обеспечения удовлетворительного решения проблем внутренней безопасности;

– Израиль сохраняет суверенитет над Западным Иерусалимом и еврейскими жилыми кварталами Восточного Иерусалима. Эти районы в своей совокупности образуют «столицу Израиля»;

– палестинцы получают суверенитет над арабскими кварталами Восточного Иерусалима. Эти районы образуют «столицу» Палестинского государства;

– в районе старого города в Иерусалиме вводится специальный режим, при котором Храмовая гора переходит под контроль палестинцев, а Стена Плача – израильтян. При этом предусматривается, что будет запрещено без предварительного согласия сторон производить какие-либо строительные или археологические работы в районе Храмовой горы;

– проблема беженцев должна решаться на основе резолюции ООН 194 от 11 декабря 1948 года с выплатой палестинцам «справедливой» финансовой компенсации и предоставлением им финансовой помощи в целях строительства нового жилья. «Право на возвращение» на территорию собственно Израиля ограничивалось случаями воссоединения семей или осуществлением иных гуманитарных программ;

– предлагалось, чтобы при заключении окончательного соглашения обе стороны дали обещание воздерживаться от предъявления в последующем каких-либо новых претензий¹⁰.

План группы экспертов предусматривал деятельное участие международного сообщества в гарантиях будущего палестино-израильского соглашения. Имелось в виду пойти на размещение в Палестине многонациональных сил по поддержанию мира, направить в Старый город Иерусалима международные полицейские части.

Для Сирии и Израиля группа международных экспертов разработала следующую схему достижения урегулирования:

– отвод израильских войск на линии 4 июня 1967 года;

– передача под суверенитет Сирии участков земли вплоть до Тивериадского озера и реки Иордан с получением выхода к прилегающим водным акваториям. Израилю передавались соб-

ственно акватории Тивериадского озера и реки Иордан с выходом на прилегающие земли;

– организация демилитаризованных зон и зон с пониженным количеством вооруженных сил и вооружений;

– создание многонационального мониторингового механизма в интересах обеспечения безопасности и выполнения согласованных решений;

– Сирия и Израиль должны были немедленно после заключения мирного соглашения установить между собой дипломатические отношения¹¹.

Проект соглашения между Ливаном и Израилем включал такие положения, как возвращение к границам 1923 года, запрет на размещение каких-либо нерегулярных военизированных групп в зоне соприкосновения между двумя странами (юг Ливана – север Израиля), запрет на использование территории друг друга лицами или организациями, враждебными другой стороне.

План группы экспертов получил большой резонанс в странах – членах «четверки» международных посредников, а также в большинстве государств региона. Однако перевести в практическую плоскость обсуждение предлагавшихся мер не удалось.

Одиннадцатое. До настоящего времени крайне редко имели место решения действительно смелого характера, подобные поездке А.Садата в Иерусалим, призванные способствовать «прорывным» поворотам в арабо-израильских взаимоотношениях.

В ряде случаев не использовались в силу сложившихся стереотипов возможности, в том числе связанные с разработкой крупномасштабных инициатив.

Так, после выдвижения Наследным принцем Саудовской Аравии Абдаллой своего известного проекта в отношении формата будущих договоренностей арабов с израильтянами этот вопрос был включен в повестку дня встречи ЛАГ в Бейруте (март 2002 г.) Как представляется, арабам стоило бы пойти и на другую инициативу – приглашение Израиля на эту встречу. Это могло бы сразу поднять на совершенно новый уровень обсуждение, в том числе в практическом плане, проблематики мирного урегулирования и достижения исторического примирения в регионе Ближнего Востока. Однако такой шаг сделан не был.

Двенадцатое. Не вполне сложилось **современное понятие «регион» в контексте проблематики ближневосточного мирного урегулирования.** Это в немалой степени связано с характером и объемом озабоченностей каждой из сторон конфликта¹². В последние годы, в особенности после представления президентом Дж.Бушем своего проекта «Большого (Расширенного) Ближнего Востока», усилилась тенденция расширительного толкования рамок региона.

Инициатива президента США была озвучена в марте 2004 года и представлена членам «восьмерки» крупнейших индустриальных стран мира в июне 2004 года. Это предложение базируется на ряде принципов, включающих расширение демократических основ и повышение эффективности управления в странах региона, создание качественно новых возможностей для обмена информацией, устранение торговых барьеров, открытие рынков и т.п. Логика этой инициативы основывается также на признании в целом безусловно правильного положения о теснейшей взаимосвязи процессов, происходящих в странах, «традиционно» причисляемых к Ближнему Востоку, и государствах, территориально прилегающих к этому району мира.

Следует отметить, что географическое и политическое понятие региона «Ближнего Востока» имеет почти столетнюю историю, его содержание неоднократно менялось и уточнялось. Ряд специалистов придерживается мнения, что впервые такого рода термин был использован английским генералом Томасом Гордоном в начале XX века при изучении проблематики угроз британским интересам в регионе со стороны царской России, в том числе в контексте функционирования транспортного коридора между Великобританией и Индией. Другие считают, что это понятие было введено в оборот после опубликования в 1902 году американским военным деятелем Альфредом Маханом статьи «Персидский залив и международные отношения»¹³.

Вопрос о территориальных рамках ближневосточного региона обстоятельно рассматривался в 1992–1996 гг. в рамках рабочей группы по контролю за вооружениями и региональной безопасности (в ряде мероприятий принимал участие автор настоящей работы). Уже в то время преобладало мнение о необходимости «расширительного» толкования региона Ближнего Востока – с включением в него всех стран – членов ЛАГ, Израиля, а также Турции. Ряд экспертов высказывался за то, чтобы к региону был «причислен» также и Иран. Были разработ-

ки, касающиеся органической связи – в контексте вопросов безопасности – Ближнего Востока, Средиземноморья, бассейна Красного моря, а также Юго-Западной Азии. После событий сентября 1991 года, развертывания борьбы против международного терроризма вопрос о взаимообусловленности и взаимозависимости событий в этих районах мира стал еще более актуальным.

В одной из недавних публикаций – монографии «Нефть и вода – к созданию системы безопасности в Персидском заливе» специальный раздел был посвящен проблематике «Большого Ближнего Востока»¹⁴. Один из основных выводов авторов работы заключался в том, что концепция географических рамок Ближнего Востока неизбежно будет претерпевать изменения, в том числе, вследствие того, что сам регион находится в стадии глубокой эволюции¹⁵.

Вышеуказанные причины – в большей или меньшей степени – обусловили отсутствие всеобъемлющего решения арабо-израильского конфликта, хотя на ряде направлений мирных преобразований в регионе были достигнуты реальные позитивные подвижки.

Прежде всего нужно отметить первый опыт «результативного» переговорного процесса – подготовку и подписание мирных соглашений между Египтом и Израилем.

Посещение президентом Египта А.Садатом в ноябре 1977 года Иерусалима, первые в истории прямые и официальные контакты лидера арабской страны с израильскими руководителями открывали путь к завязыванию официальных контактов между Египтом и Израилем. Переговоры между двумя странами, которые проходили при содействии руководителей США, привели к подписанию 17 сентября 1978 года в Кэмп-Дэвиде двух документов – «Рамки для мирных переговоров по Ближнему Востоку, согласованные в Кэмп-Дэвиде» и «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем». От АРЕ эти документы подписал президент А.Садат, от Израиля – премьер-министр М.Бегин. Свою подпись под документом поставил и президент США Дж.Картер¹⁶. В марте 1979 года между двумя сторонами был подписан мирный договор.

По-видимому, вряд ли можно найти какие-либо другие документы, касающиеся ближневосточного мирного процесса, которые бы вызвали в момент их появления столь противоречивую и острую реакцию, как Кэмп-Дэвидские договоренности.

При этом следует отметить, что с течением времени и по мере развития обстановки в регионе многие политические деятели серьезно изменили свои оценки значения Кэмп-Дэвидских соглашений для судеб ближневосточного урегулирования.

Так, бывший генеральный секретарь ООН, известный политический деятель Египта Б.Бутрос-Гали выступил в июле 2005 года с достаточно примечательным заявлением. Он сказал: «...Мы сталкиваемся с попытками объяснять все проблемы и неудачи арабского мира последствиями Кэмп-Дэвидских соглашений. Но была ли, к примеру, война между Ираном и Ираком результатом Кэмп-Дэвида? Или был ли кризис в Дарфуре одним из результатов этого договора? Могли ли трудности в отношениях между Алжиром и Марокко по вопросу о Западной Сахаре быть обусловлены Кэмп-Дэвидом? Конечно, ответ на эти вопросы может быть только нет. Такого рода предположения отражают отсталость арабского мира и стремление объяснить чем-то все свои неудачи. В прошлом мы во всем винили (английскую) оккупацию, теперь – дискриминацию против арабов и враждебность по отношению к исламу. Я же полагаю, что корни отсталости связаны прежде всего с менталитетом арабов...»¹⁷

Необходимо подчеркнуть, что в Кэмп-Дэвидских документах впервые были зафиксированы некоторые принципиальные положения, касавшиеся логики и последовательности действий на палестино-израильском переговорном направлении, которые впоследствии были реализованы на практике.

Так, именно в «Рамках для мирных переговоров по Ближнему Востоку» содержалось предложение в отношении того, чтобы на первом этапе переговорного палестино-израильского процесса была заключена временная договоренность с фиксированным периодом – не свыше пяти лет. В этот срок должны были состояться выборы органов самоуправления, призванных заменить израильскую военную администрацию. Также предусматривалось, что будет осуществлен частичный вывод израильских войск и передислокация другой части этих подразделений в специально оговоренные районы для обеспечения безопасности. При этом признавалось право палестинцев на формирование своих полицейских сил, правда, из числа палестинцев, имеющих иорданское подданство.

В «Рамках для мирных переговоров по Ближнему Востоку» было зафиксировано и другое положение, претворенное в

жизнь уже в 1990-е годы. В этом документе указывалось, что переходный пятилетний период должен был начаться с момента создания и утверждения органа самоуправления – Административного Совета на Западном Берегу и в Газе. При этом не позднее, чем в третий год переходного периода должны были начаться переговоры об определении окончательного статуса Западного берега и Газы и их отношений со своими соседями, а также заключении мирного договора между Израилем и Иорданией. Планировалось, что переговоры будут проходить между Египтом, Израилем и «выборными представителями» населения Западного берега и района Газы.

В течение переходного периода представители Египта, Израиля, Иордании и органа самоуправления должны были создать комиссию для определения порядка возвращения беженцев, перемещенных с Западного берега и Газы в 1967 году.

Указанные положения Кэмп-Дэвидского документа, таким образом, в ряде существенных моментов предопределили договоренности и понимание последующих этапов переговорного ближневосточного процесса. Более того, они содержали ряд наработок, представляющих практический интерес и сегодня. Мирный египетско-израильский договор от 26 марта 1979 года положил начало установлению межгосударственных отношений между Израилем и одним из ведущих арабских государств, стал своеобразной «точкой отсчета» в формировании мирной договорно-правовой инфраструктуры в регионе.

В дальнейшем, однако, обстоятельства сложились таким образом, что Договор 1979 года как бы «завис» и примеру АРЕ – в «кэмп-дэвидском» формате – не последовали ни другие арабские страны, ни палестинцы.

Лишь в начале 1990-х годов, в новых условиях мирный процесс на Ближнем Востоке стал распространяться на прочие – помимо египетско-израильского – «сегменты» переговорной периферии – в контексте реализации договоренностей, достигнутых на международной конференции в Мадриде.

В целом, как представляется, к сегодняшнему дню **удалось решить те «блоки» ближневосточного кризиса, которые относительно легко поддавались стратегии «размежевания»**, в том числе территориального (мирные договоры между Египтом и Израилем, Иорданией и Израилем.) Но данный метод выявил свою ограниченность в тех случаях, когда достижение такого рода размежевания является крайне сложным делом. Это

прежде всего относится к ключевой проблеме ближневосточного урегулирования – палестино-израильскому конфликту¹⁸.

На протяжении многих лет противостояния выдвигались десятки планов построения отношений между палестинцами и израильтянами. Несмотря на все их разнообразие, можно свести эти предложения всего лишь к четырем принципиальным схемам:

- сохранение израильской оккупации палестинских земель;
- создание на землях, оккупированных в 1967 году (сектор Газы, Западный берег р.Иордан), органов палестинского административного самоуправления (автономии) с весьма ограниченными прерогативами при оставлении за Израилем полномочий в сфере внешних связей, обороны и ряде других областей;
- создание на указанных территориях «палестинского района» как части конфедеративного объединения в составе либо Иордании, либо Израиля;
- независимое палестинское государство со столицей в Восточном Иерусалиме¹⁹.

В Израиле различные политические силы по-разному видели решение палестинской проблемы. Многие не верили в способность палестинского образования – в любой его форме и тем более в виде суверенного государства, – мирно сосуществовать с Израилем без предъявления палестинцами все новых и новых требований, в том числе территориального порядка. С другой стороны, израильтяне, принадлежавшие к самым различным партиям и группам, сходились во мнении, что нахождение в пределах территории Израиля все возрастающего количества арабов-палестинцев может привести к созданию внутри страны мощной «пятой колонны», которая со временем будет «подавлять» евреев своей численностью. С учетом этих опасений начиная с середины 1970-х годов большинство израильских политиков стало склоняться к формуле предоставления палестинцам – естественно, по результатам неспешных и обстоятельных переговоров – «ограниченного самоуправления», другими словами – проживания вне территориальных рамок собственно Израиля, но под плотным «присмотром» последнего. Консервативные элементы при этом подчеркивали «целесообразность» использования в качестве решающего козыря для торга с палестинцами наличие в руках Израиля оккупированных земель.

Что касается палестинцев, то их политическое руководство в виде Организации Освобождения Палестины всегда декла-

рировало свою приверженность только одному варианту решения палестинской проблемы – созданию независимого палестинского государства.

На деле развитие событий вело к реализации схемы создания ограниченной автономии палестинцев. Все попытки «продвинуть» переговорный процесс к рассмотрению ключевых и вместе с тем наиболее сложных вопросов палестино-израильского урегулирования – определению «конечных» модальностей палестинского государственного образования, параметров территориального размежевания, решению проблемы беженцев, судьбы Иерусалима, в том числе «распределения» суверенитета над святыми местами, – так ничего до сих пор и не дали.

В последние годы камнем преткновения стали вопросы обеспечения безопасности. При этом создался запутанный клубок взаимных претензий и требований. Израильтяне добились – в качестве предварительного условия для начала серьезного разговора по вопросам «существования» урегулирования – полного прекращения терактов против мирного населения своей страны. Палестинские радикалы говорили, что эти теракты – неизбежное следствие сохраняющейся оккупации палестинских земель. Официальное руководство ООП и Палестинской национальной администрации акции террористического характера осуждало, но вместе с тем признавало «резонность» доводов в отношении «первичности» проблемы вывода израильских войск с оккупированных территорий. Таким образом, мирные переговоры между палестинцами и израильтянами «буксовали», не двигались в сторону достижения какой-либо реальной рациональной отметки.

В этих условиях премьер-министр Израиля А.Шарон пошел на «одностороннее размежевание» с палестинцами с целью создания таким путем более безопасного климата для Израиля по периметру границы с палестинской автономией.

«Одностороннее размежевание», по-видимому, призвано было дать импульс палестино-израильскому урегулированию в условиях, когда двусторонние переговоры, даже дополненные усилиями международных посредников, не давали результатов.

Вместе с тем, как представляется, метод «односторонних» шагов должен быть дополнен другими «новациями». Все более очевидной становится целесообразность формирования совершенно новой стратегии поисков «формулы безопасности» на

палестинских и израильских землях. По нашему убеждению, настал момент, когда, наконец, стоит признать ограниченность попыток «поделить» все «составляющие» функционирования властных структур на крайне ограниченной территории палестино-израильского противостояния. Требуется **дополнить линию на «размежевание» стратегией «синтеза» усилий сторон** и поиска **общих схем безопасности и мирного переустройства**²⁰.

В этом контексте попытаемся выделить основные «сферы» двустороннего **палестино-израильского взаимодействия**.

На наш взгляд, к ним можно было бы отнести следующие проблемные блоки: территориальный вопрос; обеспечение внутренней безопасности и стабильности; экономическая и финансовая сферы; проблема беженцев; вопросы обороны и международных отношений; проблема Иерусалима, включая вопросы доступа к святым местам. На сегодняшний день первые три проблемы – территориальная, безопасности и экономическое положение на палестинских землях и в Израиле – должны рассматриваться в качестве первоочередных. При этом нельзя не признать, что все попытки найти компромиссное решение этих проблем зашли в тупик. Это относится в первую очередь к территориальному вопросу. Такой результат в чем-то закономерен. Что можно ожидать, если предлагавшиеся до сих пор варианты создания палестинского «государственного образования» представляли собой объединение в некую общность «лоскутных» квазикоммунальностей (Западный берег реки Иордан), территория которых имеет во многом искусственную границу с участками, находящимися под израильским управлением.

С учетом реального развития событий последних лет особое значение имеет проблематика безопасности. Именно эти вопросы сейчас ставят во главу угла израильтяне. Обеспечение безопасности оказалось самым «трудным» элементом в переговорных усилиях сторон, а также международных посредников.

По нашему мнению, нужно ставить вопрос о создании своего рода **«единого пространства безопасности»** на всех палестинских и израильских землях. В рамках осуществления такой концепции требуется создание достаточно сильных и авторитетных органов совместного мониторинга ситуации и принятия решений как законодательного, так и оперативно-распорядительного характера. В практическом плане нужно будет нала-

дить эффективную систему совместных практических мероприятий (проведение совместного патрулирования и т.п.).

Эта двусторонняя или даже многосторонняя (в случае привлечения представителей третьих стран) система безопасности должна быть органично связана с региональной системой коллективной безопасности.

Ранее в журнале «Международная жизнь» за 1998–1999 гг. и в монографиях, вышедших в 1999 и 2001 гг., публиковались предложения автора по вопросу создания системы региональной безопасности. Эти идеи, как представляется, сохраняют свою актуальность, в том числе и в упомянутом выше контексте²¹.

Что касается **экономической сферы**, то и здесь следует признать наличие исторически сложившейся теснейшей связи и переплетения интересов Израиля и палестинцев, в том числе проживающих на территориях ПНА. Так, благополучие палестинского населения – жителей Газы и Западного берега реки Иордан во многом зависит от возможностей обеспечения их постоянной работой на территории Израиля. Для израильтян же территории ПНА – это не только расположенный в непосредственной близости рынок сбыта товаров, но и своего рода «испытательный стенд» их способностей взаимодействовать с арабами в экономической сфере. Следует отметить, что на новом «витке» развития событий может оказаться востребованным план формирования единого экономического союза двух государств – еврейского и арабского, как это было предусмотрено резолюцией 181 ГА ООН от 29 ноября 1947 года. Как известно, данная резолюция предусматривала такие меры, как создание таможенного союза, введение единой валюты на территории обоих государств, совместные экономические проекты, использование на недискриминационной основе транспортных коммуникаций, портов и аэродромов, доступ на недискриминационной основе к водным и энергетическим ресурсам и т.п.

В целом, на наш взгляд, есть и необходимость, и возможность достижения компромиссов на основе создания общих «зон ответственности» сторон в указанных выше сферах палестино-израильского взаимодействия – территориальной, безопасности и экономики. Причем тут нащупывается компромисс и в том, что касается «качества» размена. Израильтяне заинтересованы в обеспечении надежно функционирующего «пространства безопасности» на всех территориях, где находятся израильтяне, а палестинцы – в свободном доступе рабочей

силы в Израиль. Обе стороны выигрывают от объединения усилий в указанных сферах. При этом решаются и другие вопросы, например, создания благоприятного инвестиционного климата и условий для налаживания общерегионального экономического сотрудничества²².

Формирование общего ответственного «пространства безопасности» и экономического союза могло бы обеспечить достижение большего доверия между сторонами, без чего сложно рассчитывать на урегулирование таких деликатных и сложных вопросов, как проблема беженцев, поиски модальностей политики в сфере обороны, статус Иерусалима. И по этим проблемам, по нашему убеждению, будущее – за компромиссными схемами учета интересов и озабоченностей сторон.

В беседах представители различных стран региона, политические и общественные деятели неизменно подчеркивают, что без решения палестинской проблемы трудно рассчитывать на достижение мира в регионе Ближнего Востока. Они акцентируют важность еще более энергичного и веского подключения всего международного сообщества, ведущих держав мира, России к поискам мира на Ближнем Востоке, в том числе в контексте палестино-израильского конфликта – ключевого элемента ближневосточной проблемы. Как представляется, успех этих усилий в немалой мере зависит от использования всего набора идей и возможных схем достижения компромиссных развязок, в том числе, идущих в русле изложенных выше соображений.

Что может быть осуществлено для преодоления тупика в арабо-израильском урегулировании в контексте формирования региональной системы безопасности?

Просматривается как минимум три возможных варианта развития событий.

Первый – осуществление так называемой «дорожной карты» – плана поэтапного создания палестинского государства, сосуществующего рядом с Израилем. Весьма важно, что этот план, выработанный «четверкой» международных посредников в составе России, США, ЕС и ООН, был утвержден СБ ООН.

Второй вариант, по-видимому, мог бы заключаться в признании ограниченности и тупиковости попыток «поделить» все «составляющие» государственного суверенитета на крайне ограниченной территории палестино-израиль-

ского противостояния, дополнении концепции «размежевания» сторон стратегией «синтеза» усилий в поиске «работающих» схем безопасности. Речь могла бы пойти о создании «единого пространства безопасности» на всех палестинских и израильских землях. Для проведения в жизнь такой стратегии потребуется формирование органов совместного мониторинга ситуации, принятия и осуществления соответствующих решений.

Третий вариант – это создание региональной системы безопасности с вхождением в нее палестино-израильского компонента в качестве ключевого и наиболее важного. Другими словами, можно было бы попытаться выйти на решение палестинской проблемы с «общерегионального угла» в увязке с созданием в масштабе всего Ближнего Востока соответствующих институтов и инструментов обеспечения безопасности.

Точкой отсчета здесь, к примеру, могло бы быть осуществление идеи, сформулированной расположенными в этом районе странами – Израилем и Иорданией в мирном договоре, подписанном между ними еще в 1994 году, – созыва Конференции по безопасности и сотрудничеству на Ближнем Востоке. Такой форум мог бы выработать комплекс мер доверия, проверки и мониторинга, возможно, с привлечением сил по поддержанию мира.

Более продуктивным вариантом могло бы стать восстановление деятельности многосторонних рабочих групп в рамках ближневосточного мирного процесса, в первую очередь группы по контролю за вооружениями и региональной безопасности.

Конечно, многое зависит от того, как конкретно будет складываться обстановка на палестинских территориях. Обращает на себя внимание расширение круга претендентов на власть на палестинских землях. В течение длительного времени безусловным политическим лидером здесь была Организация Освобождения Палестины, ее наиболее мощная «внутренняя структура» – движение ФАТХ. Радикальные же группировки – ХАМАС, Джихад во властные структуры не входили и резко критиковали практическую деятельность палестинской администрации. После смерти Я.Арафата оппозиционные элементы стали выдвигать во все более определенной форме заявку на власть, рассчитывая потеснить ООП, первоначально в ходе выборов в различные органы самоуправления на местах.

25 января 2006 года в ходе выборов в законодательное собрание Палестинской национальной автономии победу одержало движение ХАМАС, которое на протяжении нескольких десятков лет находилось в жесткой оппозиции Я.Арафату, его приемникам, в целом политическому руководству ФАТХ, ООП, ПНА. Эта альтернативная структура всегда декларировала свою приверженность противостоянию Израилю, призывая палестинцев применять весь спектр средств и методов, включая вооруженную борьбу и террористические акции, в интересах «победы над израильским врагом».

В результате сложилась крайне напряженная обстановка.

Президент США Дж.Буш заявил, что с ХАМАС можно будет вести переговоры только в том случае, если из программы этой организации будет исключено положение об уничтожении Израиля.

Представители «квартета» международных посредников на своей встрече в Лондоне в конце января 2006 года подчеркивали, что переговоры с ХАМАС возможны только при условии, если он прекратит террористическую деятельность, признает право Израиля на существование и примет все договоры, подписанные сторонами.

Новая ситуация возникла в вопросах оказания финансовой и экономической помощи ПНА. Традиционные доноры – США, страны ЕС, МБРР ясно дали понять, что дальнейшее предоставление финансовых вливаний – под вопросом. Власти Израиля заморозили перечисления от налогов в адрес ПНА. Вместе с тем влиятельные силы в странах Персидского залива выступили за то, чтобы компенсировать снижение западной помощи ПНА за счет существенного расширения финансовой поддержки палестинцев со стороны арабских государств, прежде всего «заливников».

В ходе пресс-конференции 31 января 2005 года Президент Российской Федерации В.В. Путин, отвечая на вопрос относительно позиции РФ по поводу победы ХАМАС на выборах в ПНА, заявил: «Это большой удар, сильный удар по американским усилиям на Ближнем Востоке... Я думаю, что если мы хотим решать сложные мировые проблемы, то должны это делать только сообща и не приглашать участников того или иного процесса для того, чтобы «таскать каштаны» из огня, а вместе садиться и изначально слушать, слышать друг друга и принимать согласованные решения. Наша позиция в отношении ХАМАС

отличается от американской и от западноевропейской. Министерство иностранных дел Российской Федерации никогда не признавало ХАМАС в качестве террористической организации. Но это не значит, что мы одобряем и поддерживаем все, что делает ХАМАС, и все заявления, которые в последнее время звучат. Мы считаем, что одно дело, когда политическая сила находилась в оппозиции и стремилась к власти, и мы знаем, что во всем мире оппозиция очень часто выступает с достаточно радикальными заявлениями, а другое дело, когда она получила вотум доверия народа и должна способствовать тому, чтобы люди, которые поверили в это движение, почувствовали положительные результаты их правления. А для этого нужно уйти от радикальных заявлений, нужно признать право на существование Израиля, нужно наладить контакт с международным сообществом. Мы призываем ХАМАС именно к такой последовательной работе. Отказ от помощи палестинскому народу в любом случае считаем ошибочным»²³.

Положение дел в палестино-израильских взаимоотношениях, в ближневосточном урегулировании в целом в настоящее время является одним из главных элементов ситуации в ближневосточном регионе в сфере безопасности. Без надлежащего решения проблем арабо-израильского примирения нельзя рассчитывать на создание устойчивой системы мирного взаимодействия всех расположенных в этом районе мира государств.

Раздел 2

КОНФЛИКТНЫЕ СОПРЯЖЕНИЯ В ЗОНЕ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Российская Федерация традиционно уделяет большое внимание вопросам укрепления безопасности в зоне Персидского залива, расположенной в непосредственной территориальной близости от нашей страны.

Персидский залив – и в этом его специфика – входит в ближневосточный регион и является вместе с тем достаточно автономным субрегионом.

Основные элементы проблематики безопасности применительно к району Залива на сегодняшний день можно определить следующим образом: субрегиональная подсистема военно-политической интеграции в виде Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), ситуация в Ираке и вокруг него, проблематика ОМУ, в том числе в «сопряжении» с иранским «досье», арабо-иранские взаимоотношения. Помимо этого, свое влияние оказывает и «новое поколение» угроз – деятельность террористических организаций и групп, этно-конфессиональные противоречия и др.

Угрозы террористических организаций нанести ощутимый удар по объектам нефтяной инфраструктуры на территории стран Персидского залива, обещания «Аль-Каиды» «пособствовать» тому, чтобы цены на нефть в результате такого рода действий взвинтились до уровня 100 долларов за баррель, остро поставили в повестку дня вопрос об «энергетической безопасности».

Конечно, в первую очередь озабоченность в связи с таким развитием событий могут проявлять государства, импортирующие нефть из региона Персидского залива. Однако проблема значительно шире, она затрагивает интересы многих стран.

Во-первых, осуществление «идеи» нанесения ударов по энергетическим объектам может создать опасный прецедент и сформировать новое «направление» террористической угрозы. Во-вторых, «запредельный» рост цен на нефть опрокинет нынешние – достаточно оптимистичные – среднесрочные и долго-

срочные прогнозы мирового экономического развития, отрицательно отразится на положении практически всех государств мира, в том числе и нефтеэкспортеров, которые, казалось бы, заинтересованы в получении «сверхприбыли». Дело в том, что с преодолением ценовой планки в 60–70 долларов за баррель резко активизируются попытки создать «энергетический заменитель» нефти²⁴. Не секрет, что в технологическом отношении задача перехода на альтернативные виды топлива современной науке и производству по плечу. До сих пор настоятельной необходимости такой «революции» не было – колебания цен на нефтяном рынке не переходили указанный выше «психологический барьер». Однако в принципе нет ничего «сверхъестественного» в том, что нефть может сойти с первого места в списке энергоносителей подобно тому, как это было в свое время, к примеру, с углем. «Ускорение» этого в целом естественного процесса может больно ударить по экономике нефтедобывающих стран (включая Россию), которые сегодня выстраивают свои планы «нефтяной подпитки» бюджетов, ориентируясь, в сущности, только на такие показатели, как запасы нефти, объемы нефтедобычи, темпы разведки новых месторождений и т.п.²⁵

Энергетическая составляющая доминирует в списке факторов, делающих проблему безопасности в зоне Персидского залива столь актуальной также и с учетом все более весомой роли региона в сфере поставок газа. В настоящее время 40% потребностей мировой экономики в энергоносителях удовлетворяется за счет нефти, доля угля составляет 26%, а газа – 24%. Однако, согласно прогнозам, уже в 2010 году газ потеснит уголь и выйдет на второе место. При этом на страны Персидского залива приходится 40% всех мировых запасов газа. В пятерке стран, лидирующих по этому показателю, наряду с Россией – четыре «заливных» государства – Иран, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты.

Для того, чтобы страны Залива могли «воспроизводить» свои мощности в сфере добычи нефти и газа и без сбоев осуществлять поставки энергоносителей на мировой рынок, по оценкам, ежегодно требуется инвестировать в ТЭК государств района Персидского залива порядка 15–18 млрд. долларов. Выйти на этот уровень можно только при условии обеспечения «надежного» в инвестиционном отношении климата, а это напрямую зависит от уровня стабильности и прогнозируемости событий в регионе.

В последнее время проблематика региональной безопасности в зоне Персидского залива буквально «выплеснулась» на страницы печатных изданий, стала предметом оживленных дискуссий в различных странах мира. В интеллектуальную работу по данной тематике включились дипломаты, ученые, военные. В СМИ стран Залива публикуются весьма примечательные прогностические материалы по этому вопросу. При всем разбросе мнений общим является признание того, что Персидский залив – один из наиболее важных в стратегическом отношении районов мира – до сих пор не имеет «общерегиональных» инструментов укрепления стабильности, предупреждения новых конфликтов и кризисов, хотя первые проекты создания здесь региональной системы безопасности были выдвинуты еще в начале 70-х годов XX века.

Следует отметить, что анализ появляющихся предложений по проблематике безопасности представляет большой интерес – и не только в силу значения, которое имеет Персидский залив в геополитических «раскладках». Дело еще и в том, что в схемах, которые разрабатываются сейчас в связи с постановкой вопроса о безопасности в Заливе, находят свое отражение попытки дать ответ на новые по своей природе вызовы и угрозы, прежде всего связанные с резкой активизацией в регионе террористических элементов и групп. При этом дискуссия о путях формирования более предсказуемого и стабильного «ландшафта» в зоне Персидского залива дает представление о том, в каком направлении может идти сегодня эволюция международных механизмов, призванных сохранить и упрочить мир в глобальном и региональном измерениях.

Специфика ситуации в регионе заключается в том, что часть расположенных здесь стран входит в созданное в 1981 году интеграционное объединение – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива – ССАГПЗ. Одной из главных целей Совета является укрепление безопасности стран – участниц Совета – Саудовской Аравии, Кувейта, Омана, Бахрейна, Катара, ОАЭ. При этом вне рамок организации остаются такие важные государства региона, как Иран, Ирак, Йемен.

Политические деятели, представители руководства вооруженных сил государств – членов ССАГПЗ выдвигали немало проектов, касающихся модальностей военно-политической интеграции в районе Персидского залива и укрепления на этой основе обороноспособности расположенных здесь стран. Большинство

из этих наработок было связано с озабоченностями, можно сказать, «традиционного» характера – сдерживание посягательств потенциальных противников, недопущение военных конфликтов и т.п.

Особый интерес в этом контексте представляют соображения, сформулированные первым заместителем министра обороны Саудовской Аравии принцем Халедом бен Султаном в одной из наиболее крупных из опубликованных им работ. Весомость суждений Х.бен Султана обусловлена его уникальным боевым опытом – в период отражения иракской агрессии 1990–1991 года он возглавлял войска международной коалиции.

Как отмечал Х.бен Султан, структуру обороны Саудовской Аравии и Залива можно представить как своего рода систему колец, взаимодействующих между собой и усиливающих друг друга. В центре – национальные вооруженные силы как в самом Королевстве, так и в каждой стране Залива. Это – первое «кольцо обороны».

Далее идет «второе кольцо» – взаимодействующие между собой армии шести партнеров по Совету сотрудничества арабских государств Залива. Один из выводов войны в Заливе 1990–1991 гг., отмечает принц Халед, состоит в необходимости прочной системы коллективной безопасности в регионе Залива. Нельзя допустить, чтобы какой-либо из членов ССАГПЗ превратился в трамплин для последующей агрессии. Если бы КСА и страны залива были бы более тесно интегрированы в военной области и вместе представляли более значительную силу, они могли лучше защищаться и «увереннее» – в политическом плане – выстраивать свои отношения с другими государствами мира.

«Третье кольцо», по мнению заместителя министра обороны КСА, это дружественные государства региона Ближнего Востока и Южной Азии. В этом контексте Х.бен Султан особо отметил Египет, Сирию (т.е. арабские страны, которые пришли на помощь в период отражения агрессии С.Хусейна), а также Турцию и Пакистан как «дружественные мусульманские государства, непосредственно примыкающие к региону Залива».

По мнению Халеда бен Султана, если бы эти четыре государства и страны ССАГПЗ вместе планировали оборону и проводили совместные учения, они внесли бы этим очень весомый вклад в обеспечение безопасности региона. Помимо этого, Турция как член НАТО могла бы играть роль «моста» между

региональными союзниками и Западом. Как полагает саудовский эксперт, можно было бы ставить вопрос и о «четвертом кольце» обороны, к которому могут быть отнесены США, Великобритания, Франция, а также Россия и Китай²⁶.

Военными специалистами ССАГПЗ высказывались различные альтернативные варианты развития военно-интеграционных процессов на полуострове.

До настоящего времени преобладает подход, заключающийся в целесообразности формирования объединенных вооруженных сил ССАГПЗ численностью более 100 тыс. человек – «Щит полуострова». Однако не все считают оптимальным этот вариант, продвижение по которому уже идет полным ходом. Так, существует точка зрения, согласно которой страны Совета едва ли согласятся отдать свои лучшие подразделения в эти «региональные» вооруженные силы на постоянной основе. Также возникнет немало проблем, связанных с финансированием и размещением такого рода войск. По мнению этих военных аналитиков, предпочтительнее выглядит вариант с формированием объединенного военного командования со штаб-квартирой в Эр-Рияде, которое было бы укомплектовано офицерами самой высокой квалификации. При этом не нужно было бы выделять каких-либо военных подразделений. Вместо этого различные национальные контингенты находились бы у себя на родине и могли бы быть переброшены оттуда в новый район своей дислокации для проведения совместных учений или при возникновении чрезвычайных ситуаций. По мнению Х.бен Султана, целесообразно было бы создать совместное командование стран-членов ССАГПЗ, которое обладало бы полномочиями выдвигать предложения и действовать по всем военным вопросам и в мирное, и в военное время. Как и в структуре НАТО, руководитель (командующий) этого блока мог бы быть рекомендован страной, вносящей самый существенный вклад в общую систему обороны. В военное время этот постоянно действующий штаб будет брать на себя оперативное командование всеми вооруженными силами ССАГПЗ, выделенными объединенному командованию. В мирное время штаб мог бы иметь следующие задачи: давать оценку всем возможным внешним и внутренним угрозам и разрабатывать планы для различных вариантов развития обстановки с целью обеспечения координации между вооруженными силами ССАГПЗ²⁷.

Как полагает большинство специалистов, региональная система обеспечения безопасности стран ССАГПЗ имеет на данный момент два ключевых элемента:

– **«зонтик» безопасности со стороны стран Запада, прежде всего США.** Страны «аравийской шестерки» имеют – в той или иной модификации – отношения в сфере обороны и безопасности с американцами. Эти отношения оформлены соответствующими договорами и соглашениями. При этом в последние годы в этой деликатной сфере взаимодействия американцев и «заливников» происходят сложные процессы, которые неоднозначно воспринимаются в общественно-политических кругах региона. Так, многие эксперты считают, что в последние годы наметилась тенденция к снижению военного присутствия США в Саудовской Аравии, что сопровождается «компенсацией» США в военной и военно-технической сфере в «малых» странах Аравийского полуострова (Бахрейн, Катар и др.). По поводу ситуации в этой группе государств известный исследователь проблем региональной безопасности Ашраф Кишк в статье, опубликованной в авторитетном египетском журнале «Ас-Сияса ад-Дуа-лийа» («Международная политика»), писал: «В последние годы отмечается эволюция общественного мнения в ряде стран Залива по поводу американских гарантий безопасности. Региональная поддержка присутствию США не ограничивается сейчас лишь правительствами этих стран. Многие члены парламентов и консультативных советов в странах ССАГПЗ, которые раньше выступали против такого присутствия, теперь поддерживают его. Исламисты в Кувейте и Бахрейне, как шииты, так и сунниты, не выступали против присутствия США в регионе во время кампании 2003 года. Все это отражает признание того, что США является единственной силой, способной обеспечить защиту каждой из этих стран...»²⁸.

– Другим элементом региональной системы безопасности является **военно-политический компонент Совета Сотрудничества арабских государств Персидского залива.**

В декабре 1995 года на саммите ССАГПЗ в Маскате был одобрен план развития и совершенствования коллективной системы безопасности ССАГПЗ. В декабре 1997 года встреча в верхах в Кувейте одобрила проект развития военной интеграции в субрегионе, включавший, в частности, совершенствование системы связи и создание общей системы раннего предупреждения нападений с воздуха. В ноябре 1999 года на засе-

дании в Эр-Рияде Совет одобрил создание системы оперативной связи между военным руководством стран-членов ССАГПЗ. На саммите в Манаме в декабре 2000 года состоялось подписание соглашений о совместной обороне, в декабре 2001 года в Маскате был образован Совет совместной обороны. Наконец, в декабре 2003 года на встрече в Эр-Рияде было решено создать Высший военный комитет ССАГПЗ.

Вместе с тем, по мнению специалистов, существуют объективные ограничители возможностей и эффективности коллективной системы безопасности ССАГПЗ – малая численность населения стран Совета (общая численность группы примерно равна численности населения Ирака). Эти государства сами по себе вряд ли могут представлять эффективный баланс таким странам, как Ирак или Иран.

На протяжении длительного времени обстановку в регионе Ближнего Востока, зоне Персидского залива и в более широком международном плане осложняет перманентная напряженность **ситуации вокруг Ирака**.

С 1980 по 1988 гг. происходили крупномасштабные военные столкновения между Ираком и Ираном. Причины конфликта были многообразны. Свою роль сыграло традиционное соперничество этих двух крупнейших стран региона за лидерство. Ряд исследователей считает, что иракцы, вовлекаясь в конфликт, неправильно оценивали военный потенциал иранцев после смены режима в Тегеране в 1979 году. Свою роль сыграли притязания каждой из сторон на ряд приграничных территорий, а также разногласия в сфере нефтяной политики. Военные столкновения шли с различной интенсивностью, изматывая обе стороны и приводя к большим потерям среди мирного населения²⁹.

В конце лета 1990 года ситуация стабилизировалась. Ирак вывел свои войска с иранской территории, стороны условились признавать зафиксированное Алжирскими соглашениями 1975 года прохождение границы между ними по тальвегу реки Шатт аль-Араб.

Однако разблокирование этого военного конфликта совпало по времени с резким обострением ирако-кувейтских отношений. В июле 1990 г. Багдад предъявил Кувейту ряд заведомо невыполнимых требований, которые были отвергнуты. В начале августа 1990 года иракские войска осуществили быстротечную военную операцию и захватили территорию Кувейта. К власти бы-

ла приведена марионеточная администрация, Багдад объявил о фактическом вхождении Кувейта в состав Ирака.

В связи с иракской агрессией Совет Безопасности ООН осудил действия Багдада и потребовал вывода иракских войск с кувейтской территории. В отношении Ирака были введены всеобъемлющие торговые и экономические санкции³⁰.

С учетом отказа Ирака подчиниться требованиям СБ ООН рядом стран (в основном западных) во главе с США были сформированы многонациональные силы (МНС). После того как истекла предоставленная СБ ООН Багдаду для отвода войск «пауза доброй воли» (январь 1991 года) МНС провели успешную операцию по освобождению территории Кувейта. Следует отметить, что в состав коалиции вошли и некоторые арабские страны, в том числе Египет. СССР в этой акции участия не принимал.

Совет Безопасности ООН разработал и принял резолюцию 687, в которой определил пути решения возникшего кризиса и обеспечения того, чтобы от Ирака не исходила угроза безопасности другим странам. Вышеуказанная резолюция предусматривала, в частности, осуществление достаточно масштабных конкретных мер по разоружению Ирака. Имелось в виду, что Ирак должен был безо всяких условий дать согласие на уничтожение всех видов оружия массового уничтожения, баллистических ракет с радиусом действия свыше 150 км и сопутствующих видов техники и оборудования.

Следует отметить, что Ирак подписал ДНЯО в 1969 году и официально поставил свои ядерные программы под контроль МАГАТЭ. Иракский представитель даже председательствовал на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в августе 1980 г. Однако все это не повлияло на дальнейшее развитие событий³¹.

В октябре 1991 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 715, согласно которой вводился долгосрочный международный мониторинг за военно-промышленным потенциалом Ирака. Специальная Комиссия ООН совместно с МАГАТЭ начала проводить инспекции Ирака с целью проверки выполнения Багдадом требований разоруженческого характера. В инспекциях принимали участие и представители России.

Согласно решению СБ ООН, Ирак в начале 1992 года предоставил ряд документов по вопросам своего потенциала, в том числе в области ракетных программ, биологического и химического оружия (соответственно «ракетное», «биологическое», «химическое» досье). Спецкомиссия ООН обнаружила в ходе

проверок ряд материалов, которые свидетельствовали о существовании планов Ирака по производству отдельных видов ОМП.

Под эгидой Комиссии, судя по данным, опубликованным в СМИ, было уничтожено более 60 ракет, 6 ракетных мобильных установок. В июне 1992 года Спецкомиссия начала операцию по уничтожению иракского химического оружия. Были ликвидированы также производственные мощности по изготовлению биологического оружия.

Совет Безопасности принял ряд решений, которые предусматривали возможность приобретения Ираком продовольствия и медикаментов, а также некоторых других товаров и услуг для удовлетворения потребностей гражданского населения страны в счет лимитированных поставок нефти (формула «нефть в обмен на продовольствие»).

В осуществлении гуманитарной программы ООН активное участие приняла Российская Федерация. Российскими компаниями с декабря 1996 по март 2003 гг. было поставлено в Ирак товаров и услуг на сумму более 2,3 млрд. долл. В рамках этой программы возобновилось строительство крупнейших теплоэлектростанций «Юсифия», «Харта», «Наджибийя», «Насирийя». Было построено четыре элеватора. Продвигалось строительство одной из наиболее крупных на Ближнем Востоке насосной станции «Насирийя» для промывки засоленных почв на территории Ирака. Было поставлено свыше трех тысяч «Камазов», много другой техники. Благодаря российскому оборудованию были восстановлены объекты водоснабжения и ирригации³². Вместе с тем эти меры не могли предотвратить значительного снижения жизненного уровня иракцев.

Уничтожение иракского потенциала ОМП с участием Спецкомиссии ООН (СК ООН) происходило в крайне сложной обстановке. Комиссия упрекала иракское руководство в «некооперативности». Багдад же выставлял встречные претензии, отмечая, что СК ООН не считается с суверенитетом страны, а в состав Комиссии входят представители западных спецслужб, которые стремятся нанести ущерб Ираку. Время от времени в отношениях между иракским руководством и Спецкомиссией ООН возникали острые конфликты. Тем не менее была проделана немалая работа по прояснению ситуации с иракским ОМП. Большой прогресс был достигнут в ракетной и ядерной области, меньший – в области химического оружия, весьма

сложно обстояло дело с выявлением запасов биологического оружия. В целом же санкции с Ирака не снимались, а напряженность обстановки вокруг Багдада вела к тому, что США на постоянной основе держали в регионе большое количество ударных сил ВМС и ВВС.

Острый кризис вокруг Ирака возник в начале 1998 года. Конкретным поводом для вспышки напряженности стал отказ иракцев допустить представителей Спецкомиссии ООН на так называемые «президентские объекты» (представительские особняки, дворцы президента страны С.Хусейна и т.п.). В этих условиях американцы начали приготовления для нанесения удара по Ираку, чтобы вынудить его пойти на уступки. Возникла реальная опасность попыток решить конфликт силовыми методами.

В тот период, однако, удалось предотвратить развитие событий по военному сценарию. Большую роль в этом сыграли усилия российской внешней политики. Специальный представитель Президента России, заместитель министра иностранных дел В.В. Посувалюк в течение нескольких недель находился в Багдаде, поддерживая постоянный контакт с иракскими руководителями, побуждая их проявлять гибкость, чтобы решить проблему мирным способом.

Логика действий российской дипломатии заключалась в органичном сочетании двух линий: с одной стороны, работа с иракским руководством в целях обеспечения выполнения всех резолюций ООН, в том числе предусматривающих ликвидацию ОМП в Ираке, с другой – формирование условий, при которых деятельность Спецкомиссии ООН в полной мере соответствовала бы обязательствам Объединенных Наций уважать суверенитет, национальную безопасность и достоинство иракцев³³.

Существенное значение имело использование механизмов ООН, прежде всего взаимодействия членов Совета Безопасности. Следует отметить, что Россия продемонстрировала большую настойчивость, призывая к организации поездки Генерального секретаря ООН К. Аннана в Багдад. Имелось в виду, что его переговоры станут кульминацией усилий по мирному разрешению кризиса. Миссия Генерального секретаря ООН действительно завершилась большим успехом – подписанием документа, в котором были зафиксированы пути для преодоления кризиса³⁴. Появилась возможность возобновления – в более конструктивном ключе – работы международных инспек-

торов. Однако такого рода предпосылки преодоления кризиса реализованы не были.

В декабре 1998 года возник новый острый конфликт во взаимоотношениях между Спецкомиссией и иракским руководством. В значительной степени он был связан с содержанием доклада председателя Спецкомиссии ООН Р.Батлера о ходе взаимодействия с Ираком в плане выполнения резолюций Совета Безопасности. Иракцы считали, что доклад искажает реальную ситуацию, Р. Батлер настаивал на своих выводах. Урегулировать разногласия не удавалось, и в этих условиях США и Великобритания нанесли ракетно-бомбовые удары по Ираку. Результатом этих акций стал категорический отказ иракцев от сотрудничества со Спецкомиссией ООН.

Содействуя выходу из тупика, российская делегация распространила в СБ ООН в январе 1999 года рабочий документ, в котором содержались конкретные предложения России по реформированию механизма ООН по контролю над запрещенными военными программами Багдада.

Положения документа были сфокусированы на решении задач обеспечения режима нераспространения ОМУ и выполнения Ираком соответствующих резолюций. Вместе с тем в нем отмечалось, что сложилась качественно новая ситуация, в которой Спецкомиссия ООН в Ираке больше работать не сможет. Предлагалось создать другой орган, который взял бы на себя функции контроля за запрещенными военными программами Багдада, используя, в частности, потенциал ряда специализированных международных организаций³⁵.

С весны 1999 года в СБ ООН развернулась работа по выработке реалистичного компромисса для выхода из создавшегося в результате силовых действий США и Великобритании тупика. Россия, Франция и Китай представили проект резолюции, который предусматривал создание качественно нового мониторингового механизма, сориентированного на решение «иракского досье». Параллельно рассматривался и англо-голландский проект резолюции, который по существу реанимировал методы работы ранее созданной Спецкомиссии ООН.

Во второй половине 1999 года и в течение 2000–2003 гг. поиски решения иракской проблемы продолжились. Однако они не давали реальных результатов. Проблема заключалась в необходимости создания такого мониторингового механизма

и органа ООН по контролю за выполнением Ираком соответствующих решений СБ ООН, который мог бы реально функционировать, был бы приемлем для всех вовлеченных в решение этого вопроса сторон.

В этих условиях российская дипломатия действовала параллельно на ряде ключевых направлений, стремясь преодолеть создавшийся тупик. Помимо продолжения работы по линии СБ ООН наши представители указывали на необходимость осуществления в двустороннем и многостороннем формате комплекса мер, направленных на создание в зоне Персидского залива зоны региональной безопасности, способной обеспечить мир и спокойствие расположенных здесь государств. В этот период шла непрерывная напряженная политическая борьба на иракском направлении, связанная главным образом в проблемой выяснения наличия или отсутствия в Ираке ОМП. США и Великобритания ужесточали требования, касающиеся порядка организации проверок по линии переформированной Спецкомиссии ООН.

К началу 2003 года, следует отметить, была развернута довольно масштабная работа инспекторов ООН. В Ираке находилась большая по численности группа специалистов. В ее состав входило свыше 100 человек, которые представляли порядка 60 государств. Однако заявления США и Великобритании о «нетерпимости» создавшегося положения, «крайней опасности», которую представлял для мира режим С.Хусейна – в первую очередь в контексте «обладания» готовым к применению ОМП, а также «связей» иракского руководства с «Аль-Каидой» – имели все более ультимативный характер.

Иракский вопрос был в центре внимания СБ ООН, международных контактов, происходивших в это время. Российские представители подчеркивали, что имелся шанс для того, чтобы решить главную проблему, вокруг которой международное сообщество едино: в Ираке не должно быть оружия массового уничтожения. Следовало до конца использовать все возможности политико-дипломатического характера.

В начале марта 2003 года в Ирак был направлен спецпредставитель Президента России Е.М.Примаков. В своих воспоминаниях он пишет, что у него имелось устное послание российского президента С.Хусейну. «В условиях невозможности предотвратить американские удары предлагалось Саддаму Хусейну отказаться от поста президента и обратиться к парла-

менту с призывом провести демократические выборы. Он на это не пошел»³⁶.

Соединенные Штаты между тем заявили о том, что не могут далее терпеть положение, когда иракский режим, по их мнению, располагающий ОМУ, отказывается от сотрудничества в деле его ликвидации.

20 марта 2003 года США при участии вооруженных сил Великобритании приступили к осуществлению военной операции против Ирака. На первом этапе военных действий иракская армия, в ряде случаев при содействии местного населения, сдерживала наступление. В целом же силы коалиции овладели с самого начала инициативой, опираясь на безусловное техническое превосходство англо-американских сил. Многие специалисты полагали, что свое «слово» скажет иракская Национальная гвардия – элитные войска, которые С.Хусейн в течение многих лет «берег» на случай возникновения особо тяжелой ситуации, угрожающей самому существованию режима. Однако в реальности Национальная гвардия сколь-либо серьезного сопротивления оказать не смогла. В ходе операции по «освобождению» Багдада произошел фактический распад иракской армии, и власть С.Хусейна была свергнута.

Российская Федерация выступила против этой акции. Российские представители подчеркивали, что военная кампания не имеет достаточных правовых оснований. Россия считала несостоятельными ссылки на ранее принятые резолюции СБ ООН. В соответствии с резолюцией Совета Безопасности 1441 оценка степени сотрудничества Багдада с ООН должна была быть дана самим Советом на основе докладов ЮНМОВИК и МАГАТЭ. Другими словами, только сам Совет Безопасности ООН мог признать нарушение иракской стороной резолюции 1441 и определить, какие действия в соответствии с Главой 7 Устава ООН должны быть предприняты в этой связи, есть ли основания для применения силы. Однако такого решения Совет Безопасности не принимал.

С начала мая 2003 года Ирак оказался оккупированным войсками коалиции. Функции управления взяла на себя Временная американо-британская коалиционная администрация.

Российская Федерация, ряд европейских стран, афро-азиатские государства отмечали, что военная акция англо-американских сил может повлечь новое обострение иракского кризиса. Вместе с тем, учитывая создавшиеся реалии, при обсужде-

нии иракской проблематики в СБ ООН наши представители подчеркивали, что крушение режима С.Хусейна не должно привести к возникновению анархии в стране. Ввиду этого ставился вопрос о том, чтобы войска, осуществившие вторжение, несли далее – в качестве оккупационных властей – в полной мере ответственность за сохранение жизни и имущества иракских и иностранных граждан. На это обстоятельство указывали и резолюции СБ ООН, которые были приняты в мае и октябре 2003 года.

После завершения военной фазы англо-американской операции обстановка в Ираке стала не улучшаться, а наоборот, деградировать. Регулярно осуществлялись различного рода диверсионные акции в отношении военнослужащих коалиции. Сложность ситуации усугублялась тем, что в борьбу против нахождения в Ираке иностранных войск включились неоднородные силы – от националистически настроенных иракцев до авантюристических элементов, стремившихся методами террора расшатать обстановку и прийти к власти. В Ирак начали прибывать члены различных террористических группировок, в том числе из числа тех, кого «выдавливали» из других «проблемных» регионов и стран.

Американцы в этих условиях стремились одновременно решать ряд задач: бороться против вооруженного сопротивления, расширять круг стран, участвующих в коалиции, формировать в самом Ираке органы власти, которые могли бы рассчитывать на международно-правовое признание и поддержку наиболее влиятельных сил внутри иракского общества. При активном американском участии в июле 2003 года был образован Временный управляющий совет Ирака.

Следует отметить, что многие арабские исследователи стремились проявлять максимальную объективность при оценке событий, произошедших в Ираке. Отрицательное восприятие американской акции сочеталось с жесткой критикой саддамовского режима. Это распространялось и на последний период – «противодействия» американскому вторжению. Ведущий египетский общественно-политический журнал «Ас-сийаса ад-Дуалия», перефразировав известное высказывание С.Хусейна, охарактеризовавшего свой конфликт с западными странами как «Мать всех битв истории», назвал «Битву за Ирак» «Матерью всех фарсов истории»³⁷.

16 октября 2003 года Совет Безопасности принял резолюцию 1511, которая отразила мнение членов Совета по поводу обстановки в Ираке и зафиксировала подход СБ ООН к военной англо-американской администрации и начавшей функционировать в Ираке переходной власти – Временному управляющему совету.

Резолюция содержала характеристику Коалиционной администрации, созданной американцами и британцами, как временной структуры, функции, полномочия и обязанности которой «должны быть прекращены, когда международно признанное представительное правительство, созданное народом Ирака, будет приведено к присяге и возьмет на себя функции Администрации».

Что касается Руководящего совета, то резолюция отмечала позитивную реакцию международного сообщества, выраженную, в частности, на таких форумах, как Лига арабских государств, Организация Исламская конференция. СБ ООН заявил о своей «поддержке усилий Руководящего совета по мобилизации народа Ирака, в том числе путем назначения кабинета министров страны». Резолюция определяла, что Руководящий совет с его министрами является основным органом временной иракской администрации, которая без ущерба для ее дальнейшей эволюции олицетворяет суверенитет иракского государства в течение переходного периода, т.е. до тех пор, пока не будет создано получившее международное признание «представительное правительство», которое далее возьмет на себя административные функции.

Таким образом, резолюция 1511 создала основу для сотрудничества с Временным управляющим советом Ирака, акцентируя, вместе с тем, внимание на то, что данный орган имеет «преходящий» характер и должен быть в дальнейшем сменен подлинно легитимными властными структурами в соответствии с волей иракского народа.

22 декабря 2003 года президент России В.В.Путин принял делегацию Временного управляющего совета Ирака во главе с его председателем, лидером Высшего совета исламской революции Ирака А.Аль-Хакимом.

В.В.Путин в ходе беседы подтвердил заинтересованность России в сохранении суверенитета и территориальной целостности Ирака, готовность РФ участвовать в постконфликтном социально-экономическом восстановлении страны. Он также

отметил, что российские компании готовы активно работать в Ираке, в том числе, осуществлять крупные инвестиционные проекты.

В июне 2004 года при активном задействовании механизмов ООН началось формирование Временного правительства Ирака.

Формально «брокером» этого процесса выступил Специальный помощник Генерального секретаря ООН Л.Брахими. В основу комплектования как правительства, так и других органов управления «нового Ирака» был положен принцип «справедливого» представительства различных этноконфессиональных групп населения. Обязательным условием было также наличие у претендентов на руководящие посты соответствующих административных навыков.

Премьер-министром Временного правительства стал И.Аляви, шиит по вероисповеданию. Вице-премьером был назван Б.Салех (курд), министром иностранных дел – Х.Зибари (также курд). Было объявлено, что функции президента страны будет выполнять Г.аль-Яур (суннит), а вице-президентов – И.Джаафари (шиит) и Р.Шавес (курд).

При всей, казалось бы, логичности этно-конфессионального подхода к формированию органов власти в стране многие политические деятели Ирака и арабских стран отмечали, что осуществление такого рода схемы может привести не к стабилизации ситуации в стране, а к разрастанию противоречий на почве религиозных и национальных различий. При этом указывали на то, что в условиях тоталитарного режима С.Хусейна такого рода разногласия и различия искусственно, зачастую силовым путем, сдерживались и «преодолевались». В новой же обстановке, когда был устранен «общенациональный» пресс в виде единой правящей баасистской партии и обслуживавших ее политические интересы механизмов полиции, специальных служб и армии, могли произойти быстрое разрастание разногласий и, в конечном итоге, распад государства как минимум на три части – курдскую, шиитскую, суннитскую. Предлагалось альтернативное решение в виде образования местных и центральных органов власти на основе территориально-административного деления, без «разбивки» населения и отдельных частей страны на этнические и религиозные образования. Однако последняя точка зрения не по-

лучила поддержки со стороны американских оккупационных властей.

Развитие политической ситуации в Ираке неоднократно рассматривал Совет Безопасности ООН.

8 июня 2004 года Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 1546, которая фиксировала формальное прекращение к 30 июня 2004 года периода военной оккупации и передачу после этой даты власти Временному правительству. Резолюция определяла, что Временное правительство будет управлять страной вплоть до проведения выборов в Переходную национальную Ассамблею.

Принятию резолюции предшествовала интенсивная дипломатическая работа. По мнению российской стороны, проведенные контакты позволили значительно улучшить содержание резолюции. В документе отмечалось, что иракцы будут обладать «полным суверенитетом», они смогут полностью самостоятельно распоряжаться природными ресурсами и контролировать силовые структуры.

Резолюция указывала на перспективу более активного подключения к иракскому урегулированию ООН, обуславливая это обеспечением должного уровня безопасности. На ООН также возлагалась главная роль в оказании содействия новым властям в подготовке выборов и разработке будущей иракской конституции.

Резолюция определяла в конкретном плане график перехода властных полномочий в Ираке в руки представителей иракского населения. Планировалось, что переходный период в стране будет завершен к 31 декабря 2005 года. К этому времени должна была закончиться подготовка к выборам в Переходную национальную Ассамблею, в компетенции которой находятся формирование Переходного правительства и подготовка проекта постоянной конституции Ирака. Основным законом страны должен был утверждаться на референдуме в октябре 2005 года.

В резолюции СБ ООН определялись также задачи и функции Многонациональных сил – оказание содействия политическому процессу в Ираке, обеспечение безопасности в стране. Участвовавшие в заседании Совета Безопасности ООН представители переходных структур Ирака высказались за достаточно длительное нахождение внутри страны этих сил в интересах более «прогнозируемого» развития обстановки. Вместе с тем в тексте резолюции говорилось о предельном сроке пре-

бывания Многонациональных сил – конце 2005 года. Этот срок мог быть сокращен по требованию иракского руководства.

В резолюции нашло отражение предложение России о проведении международной встречи по Ираку в целях содействия политическому процессу. С учетом включения в текст этого и ряда других предложений России Представитель РФ в Совете Безопасности голосовал за проект резолюции.

Вместе с тем, как отмечалось в заявлении для печати МИД России от 9 июня 2004 года в связи с принятием резолюции 1546, Россия предлагала в ходе политических консультаций и некоторые дополнительные шаги в целях более транспарентного формирования Временного правительства и повышения его легитимности. Так, по мнению России, было бы предпочтительнее провести международную конференцию с участием всех влиятельных политических сил, соседних стран и членов СБ ООН до принятия самой резолюции. Однако с учетом того, что реальный политический процесс стал развиваться другим путем, Россия не пошла на блокирование резолюции, исходя из того, что в целом безусловный «позитив» решения СБ ООН заключался в том, что Совет в своей резолюции 1546 закреплял возвращение иракского вопроса в правовое поле, подтверждая важность координации международных усилий на иракском направлении именно через СБ ООН.

Приходится вместе с тем констатировать, что начавшийся политический процесс – создание переходных органов власти с перспективой выхода на легитимные институты управления страной – мало повлиял на активность повстанцев, требовавших немедленного вывода американских и всех других иностранных войск из Ирака.

Постепенно все более становилось ясно, что сопротивление со стороны части иракского населения вторжению иностранных войск сопровождалось быстрым разрастанием активности криминальных и террористических структур. В Ирак устремились элементы, вытесняемые из Афганистана и других конфликтных точек. Международный террористический «интернационал» явно решил сделать из Ирака новую базу для своей деятельности, пользуясь нестабильностью обстановки, недовольством части иракского населения американско-британской оккупацией.

Ситуация в Ираке вызывала значительное беспокойство арабских и исламских стран, в особенности государств, распо-

ложенных в непосредственной территориальной близости. Саудовская Аравия, другие страны зоны Персидского залива заявляли, что события в Ираке могут катализировать нестабильность в регионе в целом. При этом страны – непосредственные соседи Ирака указывали на нежелательность их прямого военного участия в каких-либо миротворческих операциях. Высказывалось мнение, что ввод войск из сопредельных стран мог бы быть отрицательно воспринят населением Ирака с учетом традиционных опасений иракцев в отношении возможных претензий территориального характера соседних государств. Помимо этого, иракцы могли заподозрить, что соседние государства стремятся «поучаствовать» в решении проблем внутривнутриполитического характера, опираясь, в том числе, на близкие в этническом и конфессиональном отношении группы населения в Ираке.

Российские представители в своих выступлениях подчеркивали, что в создавшихся условиях направление российских войск в Ирак практически исключено. Главной задачей в Ираке, по мнению российской стороны, являлось прекращение оккупации и передача Организации Объединенных Наций центральных координирующих функций по дальнейшему продвижению вперед политического процесса. Ключевым моментом при этом являлось скорейшее формирование правительства Ирака таким образом, чтобы оно воспринималось как легитимное всеми силами внутри страны. Это подразумевало, в частности, транспарентность политического процесса в Ираке, а также создание таких властных структур, которые были бы приемлемы для различных политических сил в Ираке, включая оппозиционные, а также для соседей Ирака, для мирового сообщества в целом.

Стабилизация ситуации в Ираке могла быть достигнута только в случае преодоления тяжелого экономического положения в стране, связанного, в частности, с пагубными последствиями более чем десятилетнего режима санкций.

22–24 октября 2003 года в Мадриде была проведена Международная конференция по восстановлению Ирака. В ее работе приняли участие представители 70 государств и 30 международных и неправительственных организаций. Помимо этого, порядка 300 компаний частного сектора, включая 134 компании из Европы, 19 из США и 25 из Ирака, провели в испан-

ской столице свои встречи параллельно с работой этого международного форума³⁸.

В ходе конференции были объявлены планы отдельных государств по оказанию помощи Ираку в реконструкции и восстановлении экономики. Американские представители указали на принципиальную готовность ассигновать на эти цели порядка 20 млрд. долларов, Япония объявила о том, что выделит более полутора миллиардов долларов в виде займов. Также были «заявлены» следующие обязательства: МБРР – 3,5 млрд. долларов в виде займов в период 5 лет, Кувейт – 1,5 млрд. долл., Саудовская Аравия – 1 млрд. долларов, Великобритания – 496 млн. долл., Испания – 300 млн. долл., ЕС – 235 млн. долл., Южная Корея – 200 млн. долл., Италия – 174 млн. долл., Канада – 150 млн. долл., Германия – 100 млн. долл.³⁹ На конференции говорилось о необходимости формирования «Совета доноров», который бы должен был на постоянной основе заниматься вопросами международной помощи Ираку.

Работа конференции отразила внимание международного сообщества к развитию Ирака, готовность многих стран мира в практическом плане помогать быстрейшему восстановлению экономики этой страны, что было весьма важно, в том числе в контексте стабилизации обстановки в регионе и в мире в целом.

Вместе с тем в ходе конференции ясно обнаружилось и осложняющие моменты, препятствующие развертыванию достаточно масштабных донорских усилий.

Самым главным препятствием было отсутствие должных условий безопасности внутри страны. Возникал своего рода «замкнутый круг». Для стабилизации ситуации в Ираке требовалось восстановить экономику и социальную структуру. Без содействия международного сообщества эту задачу решить было невозможно. Но «идти в Ирак» многие соглашались лишь при наличии минимально приемлемого уровня безопасности.

Еще один сложный вопрос – легитимность иракских органов власти, через которые мог проходить поток международной помощи. Представители ряда государств, участвовавших в Мадридской конференции, говорили о том, что следует ускорить передачу власти самим иракцам, причем таким образом, чтобы новые органы государственного управления воспринимались и внутри страны, и за рубежом как полностью легитимные, способные нести ответственность за решения и обязательства Ирака, в том числе финансового характера.

В выступлении российского представителя на донорской конференции Ю.В.Федотова 24 октября 2003 года отмечалось, что Россия рассматривает экономическое восстановление Ирака в качестве важнейшей составляющей политического урегулирования. По мнению России, в перспективе Ирак с его огромным потенциалом будет способен самостоятельно обеспечить достойную жизнь своему народу. Однако на нынешнем сложном этапе он нуждается в международной помощи.

Россия выдвинула свою концепцию восстановления Ирака, которая включала, в частности, положение о том, что следовало бы с самого начала четко выделить наиболее приоритетные сферы инвестиций. В их число должны были войти те области экономики, которые в наибольшей степени могли бы способствовать нормализации обстановки, включая создание новых рабочих мест.

По мнению российской делегации, для успеха международных усилий по экономическому восстановлению Ирака требовались четыре основные предпосылки.

Первое – обеспечение действительно надлежащих условий безопасности.

Второе – определение четких и понятных правил работы иностранных компаний на иракском рынке. В основу этих правил и процедур должны были быть положены принципы политической неангажированности, равноправия и честной конкуренции.

Третье – неременным условием должна являться полная транспарентность. В этой связи требовалось, чтобы был создан Международный консультативный и контрольный совет при Фонде развития Ирака.

Четвертое. Важно было бы обеспечить максимальную преемственность. Помощь Ираку, подчеркивалось представителями России на конференции доноров, начинается не с нуля, а на базе завершающейся гуманитарной программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие». Предусмотренные этой программой поставки суммарной стоимостью в 7 млрд. долл. призваны были играть ведущую роль в решении гуманитарных проблем на первом этапе выправления экономической ситуации в Ираке.

Россия подтвердила свою готовность принимать самое активное участие в реабилитации экономики Ирака, опираясь на опыт, накопленный в течение многих десятилетий плодотвор-

ного двустороннего сотрудничества. Прежде всего речь могла бы идти о таких сферах, как нефтяная промышленность, энергетика, ирригация, водоснабжение, транспорт, создание различных промышленных производств и других инфраструктурных объектов. Важно отметить, что многие из подобного рода предприятий были построены при помощи нашей страны, с использованием российского оборудования. Его значительно легче и дешевле было бы восстановить и модернизировать, чем менять на новое.

Глава российской делегации на конференции Ю.В.Федотов объявил, что российские компании готовы осуществить инвестиции в иракскую экономику в размере порядка 4 млрд. долл. Эта сумма могла бы стать реальным и весомым вкладом в международные усилия по восстановлению Ирака. Так, в случае возобновления работ на Западной Курне – 2 только за первые 7 лет освоения этого месторождения в Ирак могло бы быть привлечено около 3 млрд. долл.

В целом ситуация в Ираке и вокруг него продолжала оставаться крайне напряженной и противоречивой. С одной стороны, продолжали иметь место действия различных по своей природе оппозиционных сил, в том числе террористических элементов и групп. Это в немалой степени предопределяло нахождение в стране большого контингента оккупационных сил США и других участников международной коалиции. В СМИ приводились следующие данные о составе и численности вооруженных формирований иностранных государств (по положению на май 2005 года): США – 138 тыс. чел., Великобритания – 8 тыс. чел., Южная Корея – 3,6 тыс. чел., Италия – 3 тыс. чел., Польша – 1,7 тыс. чел., Украина – 1,6 тыс. чел., Грузия – 800 чел., Румыния – 800 чел., Япония – 550 чел., Дания – 530 чел., Болгария – 460 чел.

С другой стороны, в стране развивался политический процесс. 30 января 2005 года в Ираке были проведены парламентские выборы. В апреле 2005 года иракский парламент избрал Дж.Талибани, лидера Курдской демократической партии, президентом Ирака. Вице-президентами стали бывший президент Гази аль-Яур (суннит) и Адиль Абдель Махди (шиит). Эта тройка образовала Президентский совет, который должен был решить вопрос о кандидатуре премьер-министра.

В мае 2005 года было приведено к присяге временное иракское правительство. В кабинет министров вошли 15 шии-

тов, 4 суннита и 1 христианин. Состоялась передача власти иракскому правительству со стороны представителей американской администрации.

15 декабря 2005 года в Ираке прошли выборы в Национальную Ассамблею. Впервые демократическим путем был избран на полный срок высший законодательный орган страны. Выборы были проведены в 18 провинциях Ирака и за рубежом.

В Национальной Ассамблее большинство из 275 мест получил шиитский альянс (140 депутатов). Другим крупным «компонентом» законодательного органа стали две основные политические партии курдов – Демократическая партия Курдистана и Патриотический союз Курдистана. Национальное собрание сформировало постоянное правительство страны.

Президент Российской Федерации В.В.Путин дал положительную оценку выборов, состоявшихся в Ираке. «Мы приветствуем это событие и будем делать все, чтобы достичь урегулирования в Ираке и вокруг него», – заявил он.

Еще одним конфликтным «сопряжением» в регионе Персидского залива является ситуация вокруг Ирана. Она имеет ряд «составляющих».

Наиболее сложным и потенциально опасным является вопрос о ядерных программах Ирана. Израиль и ряд государств Запада давно подозревают Тегеран в намерении создать ядерное оружие. Российская Федерация, оказывающая Ирану помощь в создании атомной электростанции, всегда подчеркивала, что режим нераспространения должен неукоснительно выполняться, в том числе и Ираном. При этом наша страна исходила из того, что все государства мира имеют право на создание энергетических объектов с ядерным топливом в рамках режима, установленного МАГАТЭ, и под контролем Агентства.

Как представляется, полная ясность в этом вопросе до сих пор отсутствует и это обстоятельство является серьезным раздражителем ситуации в зоне Персидского залива, на Ближнем Востоке, в мире в целом.

Обстановка в субрегионе, создававшаяся в связи с крушением режима С.Хусейна и вводом в Ирак коалиционных войск во главе с США, деградация ситуации в этой стране обусловили еще большую актуальность проблематики обеспечения безопасности в районе Персидского залива. Очевидно, что до появления какой-либо целостной концепции еще далеко. Вместе

с тем некоторые весьма «симптоматичные» моменты новых подходов уже просматриваются.

Так, в интервью саудовской газете «Аль-Ватан» **генеральный секретарь ССАГПЗ Аль-Атыйа высказался в пользу формирования в регионе «всеобъемлющей системы региональной безопасности» с включением в нее наряду с государствами – членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива также Ирана и Ирака.** Такая система, – подчеркнул он, – должна базироваться на **равновесии интересов** всех ее участников. Аль-Атыйа подчеркнул необходимость предотвращения ситуации, когда действия какой-либо из стран региона могли бы повлечь за собой **резкое изменение соотношения сил.** В этом контексте он выделил задачу создания **на Ближнем Востоке, в зоне Персидского залива зоны, свободной от оружия массового поражения**⁴⁰.

Тезис о включении в будущую систему безопасности всех стран региона разделяется сейчас многими политическими и военными деятелями государств Персидского залива. В этой связи в ряде случаев говорят о необходимости вхождения в будущие структуры безопасности Йемена и, возможно, других стран, расположенных в бассейне Красного моря.

Один из специалистов по проблематике Персидского залива Ашраф Мохаммед Кишк в этой связи отмечал: «В течение двух последних десятилетий регион Персидского залива видел несколько войн – восьмилетнюю войну между Ираном и Ираком, войну в Заливе, которая завершилась освобождением Кувейта в 1991 году, американо-английскую акцию в отношении Ирака, которая предопределила крах иракского режима 9 апреля 2003 года. Эти три войны и их последствия отразили необходимость создания в регионе эффективной и постоянной системы безопасности».

Характеризуя изменения в «ландшафте» Персидского залива в последние годы А.Кишк отмечает следующее. Несмотря на региональный и международный консенсус в отношении необходимости создания системы безопасности в Персидском заливе, – пишет он, – сложно ожидать появления одной-единственной концепции на этот счет. Каждый из партнеров будет видеть в ней определенное несоответствие своим интересам. Помимо этого, к трем традиционным «игрокам» в районе залива – Ираку, Ирану и странам ССАГПЗ (Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ) теперь, в осо-

бенности после окончания войны в Заливе, присоединились и США. Соединенные Штаты, – подчеркивает Ашраф Кишк, – обещали, что свержение режима Саддама Хусейна положит конец периоду нестабильности и напряженности в регионе. Однако реальное развитие событий пошло по иному пути. Подтвердилось со всей очевидностью, что система безопасности в Заливе может быть создана лишь в том случае, если будет найден компромисс, устраивающий всех. Скорее всего, напряженность в регионе будет сохраняться, по меньшей мере, еще одно десятилетие⁴¹.

Примечательно, что А.Кишк особо выделяет проблематику «инкорпорирования» в будущую систему безопасности Ирана. Иран, – отмечает он, – является важным участником региональной системы государств в силу своего геостратегического положения, а также размеров населения. Иранское видение системы безопасности в регионе концентрируется вокруг проблематики иностранного военного присутствия в этом районе мира. Как консервативные, так и реформистские элементы в Иране рассматривают Залив главным образом как региональный, а не международный транспортный коридор. В силу этого они полагают, что ответственность за региональную систему безопасности должны всецело нести страны, территория которых находится в географической зоне Залива⁴².

Иран занимает в системе взаимоотношений стран Персидского залива особое место. Он, по существу, единственное государство, имеющее острый пограничный спор с другой страной региона – ОАЭ (по поводу островов Малый и Большой Томб и острова Абу Муса).

Вместе с тем многие исследователи подчеркивают, что новым элементом в политике Ирака в последние годы является выправление его отношений с некоторыми странами ССАГПЗ, в том числе с Саудовской Аравией. (Тегеран заключил с Эр-Риядом соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности). Однако до настоящего времени элементы недоверия в отношении арабских стран Залива Тегераном сохраняются.

Следует указать, что в последние 10–15 лет в зоне Персидского залива возникали и иные форматы взаимодействия государств в сфере безопасности. Так, в 1991 году после подписания Дамасской декларации было образовано объединение стран, противостоявших политической линии С.Хусейна. Оно включало наряду с соседями Ирака Египет и Сирию. Также на

периодической основе созывались совещания государств, находящихся в непосредственной территориальной близости от Ирака (страны ССАГПЗ, Иордания, Турция). Однако оба эти формата не внесли сколь-либо серьезных подвижек в сложившийся расклад сил в регионе.

При анализе ситуации, складывающейся в Персидском заливе, ряд аналитиков обращает внимание **на изменение подходов к проблеме обеспечения национальной безопасности со стороны расположенных здесь государств.** Ранее господствовало мнение, согласно которому ключевое значение имеет количество и качество вооружений, которыми располагают армии соответствующих стран. Результат такого рода политики известен. Регион Персидского залива превратился в крупнейшего импортера вооружений в мире. В 1990-е годы военные расходы стран-участниц Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива составили 68% расходов на оборону всего арабского мира. Они значительно превзошли соответствующий показатель (15%) так называемых «стран противостояния с Израилем» (Египет, Сирия, Ливан, Иордания), а также стран Магриба (12%) и бассейна Красного моря (5%)⁴³.

В последние годы, в особенности в 2005–2006 гг., ситуация на мировых рынках энергоносителей складывалась для нефтедобывающих стран Персидского залива весьма удачно. (Так, по опубликованным данным, в 2004–2005 гг. доходы Саудовской Аравии превзошли рубеж в 100 млрд. долларов.)

Казалось бы, создавалась основа для увеличения затрат на импорт вооружения, тем более что страны Залива признают серьезное осложнение обстановки в масштабах региона в сфере безопасности. Однако, как отмечают многие специалисты, на деле этого не происходит. В статье, специально посвященной данной проблеме, авторитетный журнал «Миддл ист экономик дайжест» отмечал, что рост военных расходов государств региона в последнее время является более чем скромным. При этом в странах Залива довольно распространенным становится **убеждение в отношении того, что «увеличение объемов военных расходов оказывает на ситуацию в сфере безопасности скорее отрицательный, чем положительный эффект».** Правительства, учитывая этот фактор, стремятся вкладывать дополни-

тельные средства не в военную сферу, а в решение социальных проблем⁴⁴.

В таком контексте ставится вопрос о том, что сейчас по-новому выглядит соотношение понятий «национальная безопасность» и «внешняя угроза». Выясняется, что традиционный ответ на усиление опасности – рост оборонных ассигнований – уже не может дать желаемого результата. Главный враг сегодня – терроризм. Противостоять ему необходимо, суживая социальную базу подпитки экстремистских организаций. Для этого нужны социально ориентированные расходы. Поэтому мы видим в бюджетах «заливников» серьезное увеличение ассигнований на социальные программы – как мера профилактики угроз и вызовов нового поколения. Таким образом, создание системы безопасности в районе Персидского залива означает в нынешних условиях не механическое наращивание вооружений, а комплексное, включая социальную и внутриполитическую составляющую, решение возникающих проблем.

Другая важная черта – интерес государств Персидского залива к расширению регионального и международного сотрудничества в сфере антитеррора, заключение соответствующих соглашений и договоров в данной сфере. Система безопасности должна базироваться на достаточно развитой договорной инфраструктуре – соглашениях о сотрудничестве в сфере безопасности и т.п. Движение в этом направлении уже началось.

Весьма примечательным событием в этом плане явилось проведение по инициативе Саудовской Аравии в феврале 2005 года в Эр-Рияде международной конференции по проблематике противодействия терроризму с участием делегаций почти 50 стран и 8 международных организаций.

Организаторы конференции выступили с предложением сформировать в Женеве или в каком-либо другом городе (возможно, и в регионе Ближнего Востока и Персидского залива) международный антитеррористический центр, в котором специалисты – военные, криминалисты, правоведы и др. обобщали бы опыт борьбы с террористической угрозой в мире и вырабатывали соответствующие рекомендации. В этом центре могли бы также функционировать информационные и аналитические подразделения.

В последнее время страны Персидского залива усилили внимание к поискам внешних «спонсоров» обеспечения в этом регионе безопасности, в том числе в контексте противодействия терроризму.

Особо следовало бы остановиться на развивающемся взаимодействии стран Залива с НАТО. «Заливники» с большим интересом отнеслись к опыту ряда государств южного Средиземноморья (Алжир, Египет, Иордания, Марокко, Тунис, Мавритания и Израиль), которые пошли на проведение «диалога» с Североатлантическим Альянсом. Этот «диалог», судя по опубликованным материалам, включал такие мероприятия, как посещение представителями средиземноморских стран штаб-квартиры НАТО в Брюсселе, участие в семинарах и практических занятиях по гражданской обороне и ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф, подготовка кадров, в том числе в колледже НАТО в Обераммергау и т.п.⁴⁵

Вместе с тем средиземноморский диалог НАТО развивался в целом менее динамично, чем первоначально планировалось. В СМИ публиковалось немало материалов на эту тему. В ходе взаимодействия со странами региона прояснилось: члены Альянса полагали, что на первом этапе сотрудничества наиболее важным является налаживание политического диалога и выполнение программ «наращивания» взаимного доверия в сфере обороны и безопасности. Арабские же страны считали, что с самого начала следует ясно определиться в позициях сторон по ключевым проблемам региональной безопасности и прежде всего – арабо-израильскому конфликту.

Вопрос о продвижении НАТО «на Юг» занял важное место на саммите Альянса, проведенном в конце июня 2004 года в Стамбуле.

В ходе встречи было объявлено о планах совершенствования «средиземноморского диалога». Подчеркивалась приоритетность перехода к «практическому сотрудничеству» в вопросах обмена информацией и опытом в сфере антитеррора с учетом новых реалий, появившихся после 11 сентября 2001 года.

В СМИ отмечалось в этой связи, что НАТО планирует серьезно расширить рамки своей активности на Ближнем Востоке. Так, наряду со «Средиземноморским диалогом» предполагается организовать практическое взаимодействие и со странами Персидского залива.

Характеризуя решения Сессии НАТО, касающиеся ближневосточного региона, египетский журнал «Ас-сияса ад-дуалийа» («Международная политика») писал: «Принятые на Сессии инициативы отражают стремление НАТО играть вескую роль в сфере безопасности в контексте политических и экономических изменений, которые будут происходить в этом районе мира. Альянс будет способствовать проведению таких реформ в сфере политики и экономики, которые обеспечили бы здесь его доминирование...Есть основания полагать, что крупные державы хотели бы сделать из НАТО механизм, который бы направлял изменения в политической области и сфере безопасности в тех или иных странах»⁴⁶.

На Стамбульской сессии НАТО было принято решение на постоянной основе проводить визиты в регион Ближнего Востока, Персидского залива ответственных работников как штаб-квартиры Альянса, так и представителей военно-политического руководства государств-членов блока.

В этом отношении представляется весьма важной поездка по странам Персидского залива, предпринятая в конце 2004 года заместителем генсекретаря НАТО М.Риццо. Это был первый такого рода визит за всю историю Североатлантического пакта. В интервью, опубликованном в пресс-релизе Исследовательского центра Персидского залива, М.Риццо, в частности, отмечал: «Стамбульская инициатива – шаг в направлении преобразования Альянса из европоцентристской в более широкую организацию, отвечающую новым вызовам». По словам М.Риццо, у НАТО в отношении региона Залива в настоящее время имеются лишь «весьма скромные амбиции». «Первоначальная планка» вовлеченности НАТО будет заключаться в организации обучения офицеров иракской армии, распространении опыта средиземноморского диалога на страны Залива. Успех НАТО, подчеркнул заместитель генсекретаря этой организации, заключается в том, чтобы «завоевать сердца и умы» народов региона в течение ближайших двух-трех лет. С учетом того, что важнейшим достижением НАТО является опыт, которым располагает эта организация, вовлеченность в дела региона будет идти не путем «предоставления военного снаряжения», а за счет сотрудничества в военной сфере, проведения встреч, оказания помощи в диалоге и участия в урегулировании кризисов»⁴⁷.

Таким образом, если судить по этим высказываниям, взаимодействие НАТО со странами Персидского залива охваты-

ваает пока довольно ограниченную сферу. Однако нельзя не признать, что активность НАТО на этом направлении даже «терминологически» начинает заполнять нишу «коллективной безопасности». При этом принципиально важным является то, какая модель безопасности будет принята за основу расположенными здесь государствами.

В последние годы было высказано немало идей по поводу «подвода» стран Персидского залива к формированию системы региональной безопасности. Многие специалисты подчеркивали значение «замораживания» уже сложившегося в этом районе мира соотношения сил с учетом того, что любая серьезная подвижка в этом соотношении будет с подозрением воспринята другими государствами субрегиона и может осложнить ситуацию.

В этом плане весьма примечательным является мнение специалиста по проблематике безопасности в Персидском Заливе Джалиля Рошанделя, ведущего исследователя Института политических и международных исследований в Тегеране: «Целям безопасности в Персидском заливе могло бы служить заключение пакта о ненападении между странами региона. Однако такой шаг имел бы смысл лишь в том случае, если этот документ подпишут все без исключения расположенные здесь государства». Касаясь тактики действий по данному направлению, Дж.Рошандель рекомендовал «начинать с малых шагов», используя потенциал неправительственных организаций, а также экспертов и специалистов по вопросам превентивной дипломатии. В конкретном плане речь, по его мнению, должна идти о составлении проекта пакта о ненападении между государствами региона, а также выработке концепции изменений в структуре вооруженных сил в регионе с целью придания им оборонительного характера»⁴⁸.

Ряд специалистов полагает, что «надежный» прогноз развития ситуации в сфере безопасности в регионе Персидского залива возможен только в случае предметного знания «источков» данной проблемы. В этом контексте представляет интерес публикация профессора М.Тахрани, который отмечал, что в эволюции подходов к обеспечению безопасности в районе Залива можно выделить ряд этапов. В период с 1918 года по 1971 год в регионе ощущалось преобладающее английское влияние. Именно политика Лондона предопределяла развитие событий, влияла на линию, которая проводилась в сфере обо-

роны и безопасности расположенными здесь странами. С выводом в 1971 году английских войск с территорий «к востоку от Суэца» начался второй этап. В тот момент, пишет М.Тахрани, казалось, что на смену английскому влиянию придет влияние американское. Однако США переживали последствия своего поражения во Вьетнаме, в силу этого они в ряде случаев стремились действовать в отдельных регионах не напрямую, а через региональных союзников. В зоне Персидского залива такими «союзными» странами в тот период стали Саудовская Аравия и шахский Иран. Однако после революции в Иране в 1979 году этот этап закончился. Для следующего (третьего) периода характерно было усиление роли США в регионе. Но региональная обстановка отнюдь не стала стабильной. «Неудача американской политики двойного сдерживания – Ирана и Ирака потребовала новых подходов, – отмечает М.Тахрани. – Созрели условия для создания такой системы безопасности, при которой Иран, Ирак и страны ССАГПЗ смогут разрешать свои территориальные конфликты, гарантировать невмешательство во внутренние дела друг друга и сотрудничать во имя обеспечения прочного мира. Подобного рода региональный режим безопасности, – подчеркивает этот эксперт, – может быть создан лишь в случае предоставления соответствующих гарантий со стороны великих держав»⁴⁹.

По мнению М.Тахрани, в настоящее время имеются две подходящие модели для региональной системы безопасности – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и АСЕАН. Эти организации в своей деятельности стремились к решению таких вопросов, как контроль за вооружениями, проведение превентивной дипломатии, а также обеспечение мира в регионе. Что касается организаций в сфере безопасности в регионе Западной Азии, то в прошлом эти механизмы зачастую создавались путем соответствующей «подсказки» из-за рубежа. Это было характерно для Багдадского Пакта, а затем и СЕНТО. Однако для того, чтобы региональная структура функционировала успешно, она должна быть инициирована самими государствами данного региона. Ее участники также должны располагать поддержкой и гарантиями пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Вместе с тем, отмечает М.Тахрани, пример других региональных группировок не может автоматически переноситься на реалии Персидского залива. «Следует выделить, – пишет этот исследователь, –

три базисных принципа успешного функционирования любого регионального формирования: наличие консенсуса его участников, открытый для всех заинтересованных сторон характер, функциональность». Выход на консенсус может потребовать организацию таких мероприятий, как визиты правительственных делегаций в страны региона для выработки общих подходов к региональным проблемам. Открытый характер организации означает, что все страны данного региона вне зависимости от их идеологической и политической ориентации должны участвовать в создаваемой системе. Наконец, «функциональность» означает то, что нужно стремиться к достижению согласия по конкретным вопросам сотрудничества – таким, например, как транспортные и телекоммуникационные системы региона, а не заниматься лишь сферой весьма чувствительных политических и экономических проблем. Пройдет немало времени, делает прогноз этот эксперт, прежде чем потенциальные члены региональной организации смогут завоевать достаточное доверие друг у друга для формирования рассчитанных на длительный период отношений сотрудничества. На этом пути для стран Персидского залива могут оказаться весьма подходящими следующие меры укрепления взаимного доверия:

- соглашения, закрепляющие существующие границы;
- направление уведомлений о проведении военных учений;
- взаимный обмен наблюдателями на военных учениях;
- взаимные инспекции военных объектов;
- транспарентность в производстве и импорте вооружений;
- замена войск США в зоне Персидского залива подразделениями ООН;
- гарантии великих держав, касающиеся регионального режима безопасности при задействовании механизмов СБ ООН;
- превентивная дипломатия, проведение регулярных консультаций по наиболее важным проблемам;
- создание регионального центра по исследованиям и обучению персонала в сфере безопасности и сотрудничества;
- изменение имеющихся у каждой из сторон неправильных интерпретаций и стереотипов в отношении намерений друг друга;
- «отрыв» проблематики Залива от вопросов арабо-израильского противостояния;
- особое внимание вопросам развития процессов взаимодействия в сфере безопасности, отказ от попыток получить

«финальные» результаты уже на начальных этапах такого взаимодействия;

- обмены в области культуры среди представителей НПО;
- обмен делегациями журналистов⁵⁰.

Один из ведущих специалистов по Персидскому заливу Б.Меллер (Институт проблем мира в Копенгагене) высказал следующее мнение в отношении наиболее оптимальных путей создания в этом регионе системы безопасности.

Базу для подобного рода системы, – отмечал Б.Меллер, – должны составить страны, входящие в ССАГПЗ. При этом система безопасности должна включать в свой состав «бывших врагов» подобно тому, как это имело место в НАТО и ЕС. Что касается США, то им должна быть отведена особо важная роль в этом процессе, несмотря на то, что конечной целью его является создание самодостаточной и состоящей из собственно региональных стран объединения.

На первом этапе создания системы безопасности важно решить вопрос о включении в нее Ирана, возможно, путем подсоединения его к деятельности ССАГПЗ. Затем должны быть нормализованы отношения региональных государств с Ираком. При этом Багдад следует принять в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Потребуется также соответствующие гарантии внерегиональных великих держав. На заключительном этапе должна быть институирована собственно система региональной безопасности. Такая система, по мысли Б.Меллера, будет «подкрепляться», но отнюдь не полностью зависеть от внешних гарантий. «Внерегиональные» державы могут при этом оставаться и вне создаваемой системы, ограничившись предоставлением лишь самых общих гарантий безопасности, которые, скорее всего, никогда реально затребованы не будут⁵¹.

Российская Федерация традиционно придерживалась линии на создание коллективных схем обеспечения безопасности, исходя из того, что только взаимный учет интересов и законных озабоченностей всех расположенных в регионе государств может обеспечить прочный мир и стабильность. В противном случае неизбежны элементы недоверия, взаимной подозрительности между странами, которые вошли в блоковые схемы, и теми, кто остался вне рамок этих объединений⁵².

Система коллективной безопасности должна опираться на достаточно разработанную периферию договорно-правового

характера⁵³. Естественно, основополагающее значение будут иметь военно-политические, «силовые» параметры ситуации. Однако само по себе наличие достаточно прочной и продуманной системы сдержек и гарантий, в том числе со стороны внерегиональных сил, может иметь серьезное сдерживающее и стабилизирующее влияние на ситуацию как в плане поддержания мирных отношений между государствами региона, так и в контексте выработки механизмов выхода из кризисных и «предвоенных» ситуаций, их перевода в русло политико-дипломатических усилий. Не менее важным был бы и «разоруженческий» элемент деятельности институтов коллективной безопасности – профилактика региональной гонки вооружений.

Следует отметить, что система коллективной безопасности – дело для региона Персидского залива новое, и поэтому без серьезной разработки этой концепции применительно к реалиям расположенных здесь стран, а также убеждения политической элиты и общественного мнения в целесообразности предлагаемых схем трудно рассчитывать на продвижение в этом направлении.

Начать можно было бы с выдвижения предложений и проектов по «элементам» концепции сбалансированной системы безопасности, подготовки на этой основе политически и юридически обязательного документа, устанавливающего «правила поведения» в данной области⁵⁴.

Параллельно должна вестись работа на направлении «новых вызовов и угроз». Здесь требуется, в частности, выработка мер доверия, сориентированных на борьбу с террористическими организациями (соглашения о взаимном обмене информацией по антитеррору, упрощенная система взаимной выдачи преступников, обвиняемых в связях с террористами и др.)⁵⁵.

Основные направления деятельности такого рода регионального механизма могли бы сводиться к следующему:

– выработка и практическое осуществление мер эффективного реагирования, включая оказание помощи, на возникновение угрозы безопасности какому-либо из государств-участников региональной системы;

– мирное урегулирование споров в пределах региона, создание системы раннего предупреждения и предотвращения конфликтов, урегулирования кризисов и посткризисного восстановления;

- углубление концепции региональной безопасности, включая адаптацию оправдавшего себя опыта других регионов;
- взаимоподкрепляющее сотрудничество в вопросах безопасности с другими международными, региональными и субрегиональными организациями (ООН, ССАГПЗ, ЛАГ и др.);
- обмен информацией и расширение практического взаимодействия в сфере антитеррора;
- укрепление режимов нераспространения;
- подготовка встреч по тематике безопасности представителей стран, участвующих в создании региональной системы⁵⁶.

Естественно, движение к созданию новых региональных институтов рационально было бы осуществлять при взаимодополняющем и взаимоподкрепляющем участии ООН, а также используя уже имеющиеся наработки, опыт других регионов. При этом роль России может быть весьма существенной и как великой державы, члена Совета Безопасности, и как политического партнера расположенных здесь стран, имеющего большой и полезный опыт на разоруженческом направлении⁵⁷.

Россия деятельно стремится развивать связи со странами Залива как в двустороннем, так и многостороннем формате, посредством ССАГПЗ. В последние годы на постоянной основе функционировала система взаимодействия и консультаций, в том числе, по ситуации в регионе, с руководством штаб-квартиры ССАГПЗ, расположенной в саудовской столице.

В ноябре 2002 года был подготовлен и осуществлен первый официальный визит в нашу страну генерального секретаря ССАГПЗ Аль-Атыйи.

Аль-Атыйа провел в Москве переговоры с министром иностранных дел И.С.Ивановым, имел встречи с президентом ТПП РФ Е.М.Примаковым, президентом Союза промышленников и предпринимателей А.И.Вольским, заместителем министра иностранных дел РФ А.В.Салтановым.

Важное значение имеет улучшение отношений России со странами Персидского залива, особенно с наиболее крупной, «доминирующей» в политической и финансово-экономической области державой региона – Саудовской Аравией. Стагнация двусторонних связей и периодические вспышки напряженности между Москвой и Эр-Риядом, характерные для 1990-х годов, в первую очередь в связи с позицией Королевства по проблеме Чечни, сменились курсом на стратегическое парт-

нерство. В 2001–2003 гг. по нарастающей шли контакты в различных сферах российско-саудовского взаимодействия. Формировался качественно новый климат доверия между двумя странами. Это открыло путь для осуществления беспрецедентного шага – официального визита в Российскую Федерацию Наследного принца (нынешнего короля) Саудовской Аравии Абдаллы. В ходе визита состоялись обстоятельные переговоры Абдаллы с Президентом России В.В. Путиным. Были подписаны важные двусторонние документы, в том числе межправительственное Соглашение о сотрудничестве России и Саудовской Аравии в энергетической области, соглашение о взаимодействии в научной и научно-технической сфере между АН РФ и Научно-исследовательским центром Саудовской Аравии имени короля Абдель-Азиза, соглашение о сотрудничестве между ТПП РФ и Советом ТПП КСА и др. документы⁵⁸.

Новые по своему содержанию, объему и характеру отношения между Россией и ведущей страной региона – Саудовской Аравией создают качественно иные возможности для сотрудничества сторон по всему периметру проблематики безопасности.

Раздел 3

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ «СРЕЗ» ПРОБЛЕМЫ

Деятельность экстремистских и террористических группировок является серьезным негативным фактором, влияющим на внутреннюю стабильность и безопасность ближневосточных государств, характер их отношений с другими странами, общую ситуацию в регионе.

Прежде всего несколько слов в отношении самих понятий – экстремизм, терроризм, международный терроризм. Выработка единого мнения по данному вопросу – дело весьма сложное, так как имеются существенные различия в интерпретации этих терминов со стороны различных государств, политических деятелей и специалистов.

В российской юридической литературе превалирует следующий подход, нашедший свое отражение в соответствующих правовых нормах.

Под политическим экстремизмом подразумевается приверженность отдельных личностей, групп или организаций к крайним методам, мерам, включая применение силы, нежелание считаться с демократическими нормами жизни, политической и правовой практики. Обычно экстремистские группы и деятели стремятся любыми способами навязать свою точку зрения, не заботясь о последствиях, к которым это может привести⁵⁹.

Что касается терроризма, то под это определение попадают такие действия, как насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) материальных ценностей; акции, создающие опасность гибели людей или ведущие к иным общественно опасным последствиям, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие физическими или юридическими лицами, властями решений, выгодных террористам⁶⁰.

Террористической считается деятельность, включающая в себя, в частности, организацию, планирование, подготовку терактов и подстрекательство к осуществлению такого рода действий; организация незаконных вооруженных формирований или преступных сообществ; вербовка, вооружение, обучение и использование террористов; финансирование заведомо террористических организаций или групп или оказание им иного содействия.

Под международной террористической деятельностью понимаются акции, проводимые террористами или их организациями на территории более чем одного государства или наносящие ущерб интересам более чем одного государства. Это также могут быть действия граждан одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства⁶¹.

Согласно действующему в Российской Федерации закону, наша страна сотрудничает в области борьбы с терроризмом с иностранными государствами, их правоохранительными органами, а также с международными организациями, осуществляющими борьбу с терроризмом.

Естественно, противодействие терроризму может иметь успех только в том случае, если цели борьбы с терроризмом находят поддержку соответствующих структур и политического руководства других государств, в первую очередь тех, которые находятся в непосредственной территориальной близости. В этом отношении для нашей страны весьма важно иметь ясное представление в отношении того, как складывается ситуация в вопросах противостояния терроризму в сопредельных регионах, в том числе на Ближнем Востоке.

Анализируя «ближневосточный» аспект антитеррористической проблематики, важно принимать во внимание то, что в регионе накоплен немалый собственный опыт противодействия этому явлению.

Во многих ближневосточных странах экстремистские элементы и террористические организации используют в своей пропаганде религиозные лозунги (строительства «исламского государства», «очищения, возвращения к фундаментальным основам ислама» и т.д.).

Особое значение имеет анализ опыта противостояния экстремистским и террористическим организациям и элементам, накопленного в Египте. В столице страны – Каире есть уникальный в своем роде музей – истории развития – со времен

фараонов до наших дней – охранных функций государства, эволюции структуры и методов работы служб безопасности и полиции. Собранный там материал свидетельствует о том, что на протяжении всей многовековой истории Египта государство не раз сталкивалось с подрывными действиями террористических элементов, стремившихся к захвату власти в государстве на основе широкого применения методов силового давления и запугивания населения. Наиболее успешным направлением «антитеррора» в этой стране всегда было подключение к функциям контроля за «оперативной обстановкой» в стране – в дополнение к силам правопорядка – большой армии лиц, связанных с различными функциями обслуживания населения. В первую очередь это традиционно относилось к так называемым «привратникам» – «бавабам», египетской разновидности консьержей, привратников домов, которые знали в лицо обитателей всего близлежащего квартала, легко замечали любого нового человека и готовы были предоставлять полиции – в случае правонарушения – необходимую информацию.

Египет оказался одной из первых жертв террора «нового образца», широко использующего современную технику, имеющего разветвленную структуру международных связей. В немалой степени некоторые египетские политические деятели сами спровоцировали усиление террористической опасности. В 1970–1980-е годы власти АРЕ спонсировали выезд радикально настроенных элементов в Афганистан для борьбы с «советским вторжением». Вернувшись в начале 1990-х гг., «египетские афганцы» резко усилили ряды радикальной оппозиции, «братьев-мусульман» и других организаций. Экстремисты совершили дерзкие покушения на президента страны, председателя парламента, министра внутренних дел. «Под прицелом» боевиков оказались и иностранцы: террористы ставили цель ослабить режим, лишить его источников поступления валюты за счет «отпугивания» туристов, представителей нефтяных компаний и т.п. В 1990–1997 гг. жертвами терактов стали десятки людей, в том числе иностранные граждане. Правительство объявило войну террору. При этом египетским властям в течение ряда лет – с 1997 года по сентябрь 2004 года, когда прогремели взрывы в курортных городах Синая, удавалось предотвращать новые террористические инциденты.

Какие методы применяли египтяне в этой борьбе?

Первое. Египтяне провели серию политико-пропагандистских кампаний с привлечением религиозных авторитетов, пред-

ставителей интеллигенции. В обществе удалось сформировать атмосферу отторжения идей терроризма.

Второе. Был отрегулирован порядок поступления средств из-за рубежа, перекрыты многие каналы финансирования террористов. Внутри страны был усилен контроль государства за всеми видами финансовой деятельности, в т.ч. под эгидой благотворительных обществ.

Третье. Были ужесточены законы, направленные против террористов. Главное же – была существенно улучшена работа по контролю за оперативной ситуацией в стране, внедрены новые методики, задействованы, несмотря на ограниченность бюджетных средств, новые образцы соответствующей техники. В результате правоохранительным органам во многих случаях удавалось обнаружить организаторов и исполнителей терактов «по следам» совершения преступления.

Четвертое. Египетские власти настойчиво добивались закрытия расположенных за рубежом центров, в которых вели свою работу по организации ячеек антиправительственной оппозиции египетские радикалы⁶².

Вместе с тем полностью искоренить деятельность террористов правительству Египта пока не удастся. Пожалуй, главной трудностью для египетского правительства оказалось выправление непростой экономической ситуации в стране, в условиях которой оппозиция имеет дополнительные возможности для рекрутирования своих сторонников.

Примечательно, что параллельно с акциями силового давления в отношении египетского режима исламисты предпринимали попытки добиться ключевых постов в руководстве ряда авторитетных профессиональных организаций (в частности, профсоюзов инженеров, юристов, врачей и др.). В результате неоднократно отменялись (переносились) выборы руководящих органов этих профобъединений. Властям, включая правительственные, парламентские, судебные и другие органы, приходилось вести напряженную каждодневную работу в целях недопущения роста напряженности в стране и расширения сферы влияния экстремистских элементов⁶³.

Серьезное негативное воздействие оказывает деятельность экстремистских и террористических организаций на развитие мирного ближневосточного процесса. После совершения террористических актов исламистов на территории Израиля правительство этого государства неоднократно «заморажива-

ло» выполнение договоренностей с арабскими странами, шло на закрытие своей территории для палестинцев.

Исламистские группировки пытаются влиять на линию руководителей арабских стран. Следует также учитывать, что достигаемые в настоящее время договоренности и соглашения могут в дальнейшем пересматриваться – в случае усиления влияния или прихода к власти исламистов⁶⁴.

С начала 1990-х годов отмечаются попытки лидеров исламистских группировок различных арабских стран установить между собой более плотное сотрудничество в региональном и международном масштабе. С учетом такого разворота событий руководители арабских стран активизировали ответные действия в целях противостояния террористам. Была проведена значительная работа, в том числе под эгидой Лиги арабских государств, по выработке совместной платформы борьбы с терроризмом и экстремизмом. В 1993 году на совещании министров внутренних дел арабских стран была утверждена «Стратегия арабской безопасности»⁶⁵.

В начале 1996 года министры внутренних дел арабских стран приняли «Кодекс поведения» в области борьбы с терроризмом, в котором, в частности, были зафиксированы конкретные обязательства государств-членов ЛАГ по оказанию взаимной помощи во всех аспектах противодействия терроризму и экстремизму.

Особое место в выработке на региональном и международном уровнях согласованной линии в борьбе против экстремизма и терроризма принадлежит «Саммиту миротворцев» – встрече высших руководителей «восьмерки» и стран Ближнего Востока и Северной Африки, проведенной 13 марта 1996 года в египетском курортном местечке Шарм аш-Шейх.

Инициатива созыва такого рода форума принадлежала президенту АРЕ Х.Мубараку. Непосредственной причиной его проведения были крупные террористические акции экстремистов на территории Израиля, которые привели к приостановке ближневосточного переговорного процесса.

Организация встречи была осуществлена в кратчайшие сроки. Характерным было то, что несмотря на ранее запланированные мероприятия, лидеры восьми ведущих стран мира приняли приглашение и прибыли в Шарм аш-Шейх. Российскую Федерацию представлял Президент Б.Н.Ельцин, США – Президент Б. Клинтон. Присутствовали также руководители Израиля, Иордании, ряда других стран региона.

Участники встречи были едины в поддержке мирного процесса на Ближнем Востоке. При этом особо отмечалась взаимосвязь мирного процесса и усилий участников переговоров, международного сообщества в целом в борьбе с проявлениями экстремизма и терроризма. Терроризм во всех его проявлениях и формах был осужден, было подчеркнуто, что он чужд моральным и духовным ценностям всех стран региона.

В практическом плане было достигнуто понимание в отношении оказания помощи мирному процессу, в том числе посредством участия всех стран в выправлении создавшейся на палестинских территориях тяжелой экономической ситуации. Особо отмечалась необходимость того, чтобы государства не разрешали ведение на своей территории в каких-либо формах деятельности террористических организаций и групп, враждебных другому государству, препятствовали получению ими оружия или финансовых средств из-за рубежа.

Участники встречи условились продолжить согласование позиций в борьбе против терроризма, в том числе на Ближнем Востоке. Было решено выработать механизм «последующих шагов». К сожалению, это решение не было реализовано. В целом потенциал Шарм-аш-шейхского антеррористического процесса был слабо использован как региональными странами, так и международным сообществом в целом⁶⁶.

В конце 1990-х годов все более отчетливо проявлялась тенденция усиления активности террористических элементов в различных регионах мира, в том числе на Ближнем Востоке, а также в районе Северного Кавказа.

6 ноября 1998 года Правительство РФ приняло постановление в отношении создания и развертывания деятельности Федеральной антитеррористической комиссии в составе представителей ряда заинтересованных ведомств. Перед ней была поставлена цель выработки скоординированной политики противодействия терроризму в нашей стране, а также рекомендаций в сфере международного сотрудничества на антитеррористическом направлении. 25 июня 1998 года был принят Федеральный закон «О борьбе с терроризмом», создавший необходимую правовую базу для развертывания деятельности государственных органов в этой сфере. (В марте 2006 года вступил в силу новый Закон Российской Федерации «О противодействии терроризму», в котором был учтен опыт борьбы на антитеррористическом направлении последних лет)⁶⁷.

Развитие событий в мире показало исключительную актуальность борьбы против международного терроризма.

11 сентября 2001 года был совершен самый масштабный террористический акт в истории человечества. Террористы захватили над территорией США четыре авиалайнера. Три из них были направлены исполнителями-смертниками в два здания Торгового центра в Нью-Йорке и одно из зданий Пентагона. Погибло более трех тысяч человек. Был нанесен огромный политико-психологический удар по США.

По версии американских правоохранительных органов, эта акция была совершена боевиками одной из исламистских организаций – «Аль-Каиды» под руководством Бен Ладена, выходца из Саудовской Аравии (правда, лишенного в 1994 году подданства Королевства за антирежимную деятельность).

Российское руководство немедленно отреагировало на этот злодейский акт.

В тот же день, 11 сентября Президент РФ В.В.Путин выступил с заявлением, в котором отметил, что произошедшее выходит за рамки национальных границ. «Теракты в США, – отметил Президент, – это наглый вызов всему человечеству, по крайней мере, всему цивилизованному человечеству. Россия не понаслышке знает, что такое террор. И поэтому мы лучше всего понимаем чувства американского народа. Обращаясь от имени России к народу Соединенных Штатов, хочу сказать, – заявил Президент РФ, – что мы с вами, – мы целиком и полностью разделяем и чувствуем Вашу боль. Мы поддерживаем Вас»⁶⁸.

12 сентября 2001 года министр иностранных дел России И.С.Иванов в интервью американскому каналу CNN заявил: «...Трагедия показала, что международное общество сегодня не готово дать серьезный отпор вызовам и угрозам, с которыми мы сталкиваемся. Международный терроризм, организованная преступность, распространение наркотиков связаны между собой. Эти структуры организованы хорошо, а цивилизованное сообщество, к сожалению, организовано пока еще не на должном уровне...Совершенно очевидно, что сегодня ни одна страна не может решить эти проблемы в одиночку. Они имеют глобальный характер, поэтому необходимо взаимодействовать...»

В ответ на террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне США совместно с Великобританией нанесли удары по

объектам террористов на территории Афганистана. Российская сторона была проинформирована о начале этой операции.

В заявлении российского МИД в связи с началом контр-террористической операции отмечалось, что политика талибов привела к тому, что Афганистан превратился в мировой центр международного терроризма и экстремизма, производства и незаконного оборота наркотиков. На территории, контролируемой талибами, нашли убежище террористы, на счету которых преступления во многих государствах, в том числе и в России.

Можно утверждать, что российская сторона предвидела, что развитие событий в Афганистане и вокруг него неминуемо ведет к трагической развязке.

Так, еще 30 июня 2001 года официальный представитель МИД России А.В.Яковенко, отвечая на вопросы РИА «Новости», отмечал, что подконтрольная Движению талибов часть территории Афганистана служит плацдармом для экспансии нестабильности в регионе и за его пределами. Там создана растущая сеть из десятков опорных баз, тренировочных лагерей террористов и центров по подготовке боевиков из арабских, центральноазиатских и других государств, включая чеченцев. А.В.Яковенко напомнил, что в январе 2000 года ДТ объявило о «признании независимости Чечни» и открыло «посольство» масхадовцев в Кабуле и «консульство» в Кандагаре. «Сложившееся положение серьезно угрожает безопасности в регионе, прежде всего в Центральной Азии, и международной стабильности в целом», – подчеркнул представитель МИД России⁶⁹.

24 сентября 2001 года Президент России выступил с телеобращением, в котором подчеркнул, что после варварских терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября весь мир живет под впечатлением этой трагедии. В.В.Путин отметил, что Российская Федерация уже давно, опираясь исключительно на собственные силы, ведет борьбу с международным терроризмом. РФ неоднократно призывала международное сообщество объединить свои усилия.

Российский президент заявил о полной готовности Российской Федерации внести свой вклад в борьбу с террором. При этом он отметил, что прежде всего следует обратить внимание на усиление роли тех международных инстанций и институтов, которые были созданы для укрепления международной безопасности – ООН и СБ ООН. Необходимо также энергично заняться совершенствованием международно-правовой базы,

которая позволяла бы эффективно и оперативно реагировать на акты террора.

Что касается собственно операции в Афганистане, то основные параметры российской позиции были определены следующим образом.

– Активное международное сотрудничество в обмене информации об инфраструктуре, местах пребывания международных террористов и базах подготовки боевиков.

– Россия выразила готовность предоставить свое воздушное пространство для пролета самолетов с гуманитарными грузами в район проведения антитеррористической операции.

– Такого рода позиция была согласована с союзниками РФ из числа центральноазиатских государств. Они в свою очередь заявили о том, что разделяют эту линию и не исключают для себя возможности предоставления своих аэродромов в интересах осуществления мероприятий в рамках антитеррористической кампании.

– Россия дала согласие на свое участие, если это потребует, в международных операциях поисково-спасательного характера.

Как подчеркнул российский президент, возможны и другие, более глубокие формы сотрудничества России с участниками контртеррористической операции. Глубина и характер этого сотрудничества, – отметил В.В.Путин, – напрямую будет зависеть от общего уровня и качества отношений России с этими странами и взаимопонимания в борьбе с международным терроризмом.

Теракты в США выдвинули в центр международной жизни проблематику международного терроризма. Терроризм – явление далеко не новое, на протяжении всей истории человечества отмечались периоды острого противостояния общества и радикалов, которые использовали методы насилия или угрозы его применения в целях устрашения населения, оказания давления на государство и, в конечном итоге, при благоприятных условиях – захвата и узурпации власти.

Террористические акции были нередки в Соединенных Штатах, различных регионах мира, в том числе на Ближнем Востоке. Однако после 11 сентября 2001 года по существу впервые действия террористов стали восприниматься международным сообществом в качестве доминирующей угрозы, формирующей совершенно новую ситуацию в сфере безопасности на национальном, региональном и глобальном уровнях.

28 сентября 2001 года Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 1373 о борьбе с международным терроризмом. Это решение было призвано придать мощный импульс наращиванию многостороннего сотрудничества в противодействии террористической агрессии при центральной координирующей роли ООН.

Резолюция предусматривала широкий набор конкретных мер на национальном, региональном и международном уровнях, выполнение которых обязательно для всех государств. В случае их несоблюдения СБ ООН мог вводить санкции против нарушителей.

В этом документе указывалось, что все государства должны:

А) предотвращать и пресекать финансирование террористических актов;

Б) ввести уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств, любыми методами, прямо или косвенно, их гражданами или на их территории с намерением, чтобы такие средства использовались, или при осознании того, что они будут использованы для совершения террористических актов;

В) безотлагательно заблокировать средства и другие финансовые активы или экономические ресурсы лиц и организаций, которые совершают или пытаются совершить террористические акты, или участвуют в совершении террористических актов, или содействуют их совершению;

Г) запретить своим гражданам или любым лицам и организациям на своей территории предоставление любых средств, финансовых активов или экономических ресурсов, финансовых или иных соответствующих услуг, прямо или косвенно, для использования в интересах лиц, которые совершают или пытаются совершить террористические акты.

Совет Безопасности также постановил, чтобы все государства приняли на себя обязательства:

А) воздерживаться от предоставления в любой форме поддержки организациям или лицам, замешанным в террористических актах, в том числе путем пресечения вербовки членов террористических групп и ликвидации каналов поставки оружия террористам;

Б) предпринимать необходимые меры в целях предотвращения совершения террористических актов, в том числе путем раннего предупреждения других государств;

В) отказывать в убежище тем, кто финансирует, планирует, поддерживает или совершает террористические акты, или предоставляет убежище;

Г) не допускать, чтобы те, кто финансирует, планирует, оказывает содействие или совершает террористические акты, использовали свою территорию в этих целях против других государств или их граждан;

Д) обеспечить, чтобы любое лицо, принимающее участие в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов либо в их поддержке, привлекалось к судебной ответственности, и обеспечить, чтобы помимо любых других мер в отношении этих лиц такие террористические акты квалифицировались как серьезные уголовные правонарушения во внутригосударственных законах и положениях, и чтобы наказание должным образом отражало серьезность таких террористических актов;

Е) оказывать друг другу всемерное содействие в связи с уголовными расследованиями или уголовным преследованием, которые имеют отношение к финансированию или поддержке террористических актов, включая содействие в получении имеющихся у них доказательств, необходимых для такого преследования;

Ж) предотвращать передвижения террористов или террористических групп с помощью эффективного пограничного контроля за выдачей документов, удостоверяющих личность, и проездных документов, а также с помощью мер предупреждения фальсификации, подделки или незаконного использования документов, удостоверяющих личности, или проездные документы.

Помимо этого в документе содержался призыв ко всем государствам обмениваться оперативной информацией, в особенности о действиях или передвижениях террористов, наличии террористических сетей, о данных, касающихся торговли оружием, взрывчатыми веществами или материалами двойного назначения.

В контексте борьбы с международным терроризмом следует отметить **растущую сопряженность развития событий в таких регионах, как Кавказ и Ближний Восток.**

Сепаратизм и экстремизм на Кавказе в значительной степени подпитываются активностью международных – мафиозных в своей основе – группировок, использующих местный

национализм, а также факторы экономического и социального характера. Международные террористические организации весьма заинтересованы в проникновении на Северный Кавказ с целью получения здесь соответствующего «плацдарма». Это, несомненно, придало бы дополнительный импульс их борьбе за власть в арабском мире, в регионе Ближнего и Среднего Востока.

Наша страна последовательно стремится к стабилизации обстановки, укреплению мира и безопасности на Кавказе. Давая разъяснения на этот счет в одном из своих заявлений, сделанных еще до сентябрьских событий 2001 г. тогдашний министр иностранных дел России И.С.Иванов отмечал: «Мы не приемлем попытки растащить (кавказский) регион на сферы влияния. Стремление вытеснить Россию с Кавказа, а такие поползновения есть, может привести к весьма негативным последствиям, еще большему осложнению ситуации в этом регионе. Наша страна исторически играла там стабилизирующую роль. Не отказываемся мы от нее и сегодня... чеченский вопрос – это лишь часть более сложных проблем, имеющих универсальное и региональное измерение...»⁷⁰.

Важно отметить, что в регионе Ближнего Востока располагаются государства, пользующиеся большим авторитетом среди мусульман всего мира. Это – прежде всего Саудовская Аравия, имеющая на своей территории два священных для приверженцев ислама города – Мекку (родина пророка Мухаммеда – место, где находится главная святыня мусульман – Кааба) и Медину (там захоронен пророк Мухаммед). В Саудовской Аравии (г. Джидда) располагается штаб-квартира (Генеральный секретариат) самой влиятельной организации мусульманских государств – ОИК (Организация Исламская конференция). Важное место среди сообщества мусульманских государств занимают Иран, Марокко и другие страны региона⁷¹.

Российская Федерация поддерживает с этими государствами, а также с ОИК политический диалог. В январе 2000 года в Москве с рабочим визитом находилась делегация старших должностных лиц Организации Исламская конференция во главе с заместителем министра иностранных дел Исламской Республики Иран Д.Зерифом⁷².

Представители ОИК имели встречу с министром иностранных дел России И.С.Ивановым, провели переговоры с заместителем министра Г.Б.Карасиным. На приеме у российского

министра иностранных дел делегация была проинформирована об антитеррористической операции федеральных сил на Северном Кавказе, мерах по налаживанию мирной жизни в освобожденных от бандформирований районах Чечни, усилиях по облегчению положения временно перемещенных лиц и обеспечению условий для их возвращения в родные места. И.С.Иванов подчеркнул, что терроризм, в какие бы одежды он ни рядился, является как для россиян, так и для мусульманских стран, общим врагом, которому следует давать отпор совместными усилиями. Ведя с ним борьбу, Россия выполняет свои международные обязательства и пресекает угрозу распространения экстремизма в сопредельные регионы.

Была выражена надежда, что государства – члены ОИК будут и впредь твердо придерживаться позиции в поддержку суверенитета и целостности Российской Федерации, невмешательства в ее внутренние дела. Отмечалось, что российская сторона признательна за гуманитарную помощь, оказываемую мусульманскими странами временно перемещенным лицам по линии МЧС России.

После этого визита Россия взяла курс на серьезную активизацию работы с мусульманскими странами, ОИК. Особое внимание уделялось вопросам координации усилий в борьбе с международным терроризмом. Российская сторона на постоянной основе информировала руководство ОИК, в том числе Генерального секретаря А.Бельказиза, других руководителей штаб-квартиры Организации в г.Джидде о шагах, направленных на восстановление нормальной жизни в Чечне. При этом подчеркивалось, что любым попыткам террористов и экстремистов будет даваться должный отпор.

В конце января 2003 года состоялся визит в Москву Генерального секретаря ОИК А.Бельказиза. Он провел переговоры с министром иностранных дел РФ И.С.Ивановым, встретился со многими политическими, общественными и религиозными деятелями России.

Расширение политического взаимодействия России с ОИК приняло форму участия представителей РФ высокого ранга в мероприятиях Организации, а позднее – подсоединения России к деятельности ОИК в качестве наблюдателя.

Сложилось так, что сразу же после сентябрьской трагедии в эпицентре внимания политиков, средств массовой информации оказалась Саудовская Аравия. Большинство из подозрева-

емых в совершении атаки на здания торгового центра в Нью-Йорке были саудовскими подданными. Расследование финансовой «составляющей» подготовки и осуществления терактов вело к благотворительным фондам, штаб-квартиры которых располагались, в том числе, и на территории Королевства.

Саудовская Аравия на официальном уровне осудила теракты 11 сентября, выступила в поддержку решений СБ ООН по антитеррору. Вместе с тем к Эр-Рияду было немало вопросов. Во многом они носили рациональный и обоснованный характер и были связаны со сложным и длительным периодом взаимодействия КСА с радикальными элементами и группами.

Как представляется, можно говорить о феномене глубокой эволюции позиции Саудовской Аравии в вопросах терроризма, в особенности в последнее время. Изучение этого явления целесообразно как с точки зрения определения параметров возможного сотрудничества с этой ведущей арабской страной по данному направлению, так и понимания истоков нынешнего «всплеска» активности радикальных и террористических элементов.

Правдой является то, что на протяжении длительного периода времени влиятельные политические силы Саудовской Аравии спонсировали организации радикальной ориентации как в самой стране, так и за ее пределами. Исламские радикалы в свою очередь рассматривали Эр-Рияд в качестве своего рода «базы» – религиозно-идеологической, политической и финансовой, призванной осуществлять моральную поддержку и материальную «подпитку» организаций исламистского толка.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что с самого начала речь шла о весьма сложном, неоднозначном «партнерстве» КСА и радикалов. Экстремистские организации оставались во многом самостоятельными общностями. На всех этапах своего взаимодействия с КСА радикальные элементы рассматривали Королевство прежде всего в качестве спонсора своей деятельности, но отнюдь не руководителя, «поводыря» их практической активности. (В последующем этот фактор обусловил возможность отхода сторон друг от друга.)

Рассмотрим более детально, какими факторами было обусловлено обращение радикалов к Саудовской Аравии, и какими причинами были вызваны то внимание и существенные объемы конкретной помощи, которую в 1970–1990-е годы Эр-Рияд оказывал исламистским организациям и элементам.

Прежде всего необходимо отметить, что Саудовская Аравия традиционно придерживалась «жесткой» модели ислама, ориентированной вместе с тем на довольно активную «внешнюю» пропаганду мусульманских концепций. Часто это направление определяют как «ваххабизм». Однако такое определение вряд ли корректно с исторической и фактической точки зрения. Воззрения Абдель Ваххаба, сыгравшего в 18 веке видную роль в объединении аравийских племен, сами саудовские богословы никогда не называют «ваххабизмом». Более того, как неоднократно подчеркивали религиозные авторитеты Королевства, этот термин был «придуман» политическими противниками Абдель Ваххаба с целью обоснования тезиса о том, что «ваххабизм» – «ересь», не вписывающаяся в общепринятые толкования ислама. Сами же саудовские богословы, в том числе прямые потомки Абдель Ваххаба, считают, что в современной Саудовской Аравии принят один из четырех традиционных «мазхабов» – направлений суннитского ислама – ханбализм⁷³.

Другим побудительным мотивом для установления «особых» отношений радикальных организаций с Саудовской Аравией были финансовые ресурсы этого государства, а также сложившаяся система щедрых пожертвований со стороны состоятельных саудовцев и местных благотворительных ассоциаций «на нужды» организаций и групп, декларировавших своей целью оказание помощи нуждающимся мусульманам во всем мире.

Еще одной причиной взаимодействия саудовского общества с экстремистскими организациями было широкое распространение среди значительной части населения КСА мнения в отношении необходимости «опоры» на радикалов в интересах идеологической, политической и иных форм экспансии ислама. Важно подчеркнуть, что сами радикальные элементы, зная об этих настроениях, охотно «позиционировали» себя в качестве наиболее последовательных и активных распространителей «света Ислама» в различных регионах мира.

В практическом плане особую роль сыграли события, связанные с войной в Афганистане. До сих пор природа этого конфликта, процессов, происходивших там с конца 1970-х годов, вызывает немалые споры. Каждая из политических сил внутри Афганистана и вне его имеет свою версию, свою «правду», свой анализ афганской драмы.

Для Эр-Рияда ввод советских войск и их последующее активное участие в военно-политическом противостоянии означали «нападение» немусульманского государства на одного из членов всемирной мусульманской нации – «уммы». Из этого следовала необходимость оказания всемерной поддержки «братьям по вере».

По мере развития событий Саудовская Аравия – подобно тому, как это происходило с СССР – все глубже погружалась в пучину конфликта, правда, на стороне противостоявших Советскому Союзу сил. При этом Эр-Рияд, как, впрочем, и многие другие «внешние» участники афганского конфликта, «упустил» момент, когда режим в этой стране – после падения Наджибуллы – стал все более приобретать черты откровенно экстремистского образования, превратившись в наиболее опасную – в масштабах не только региона, но и всего международного сообщества – базу террористов, в том числе прибывших в это государство из-за рубежа.

Такого рода негативные тенденции усилились после укрепления у власти так называемых «талибов». В 2000–2001 году, когда действия талибов приобрели крайне одиозный характер, представители ряда стран, в том числе России, в ходе политических контактов обращали внимание саудовского руководства на опасную деградацию обстановки в Афганистане. Примечательно, что в этот период ряд государств, в том числе исламских, полностью свернули свои связи с талибами. Однако КСА на такого рода шаг не пошло. Все более критически воспринимая практические действия талибов, сократив численность и понизив уровень своего диппредставительства в Кабуле, Эр-Рияд вплоть до событий 11 сентября так и не решился порвать официальные отношения с полностью скомпрометировавшим себя в глазах международного сообщества талибским режимом. Это обстоятельство сыграло отрицательную роль в контексте тех претензий в адрес саудовского руководства, которые выдвигались различными политическими силами в США и в других странах по следам террористических акций в Нью-Йорке.

Сентябрьские события 2001 года, последующее развертывание глобальной антитеррористической кампании с все более активным подключением механизмов ООН, Совета Безопасности, безусловно, стали важнейшим фактором, повлиявшим на позицию Саудовской Аравии по вопросам противодействия терроризму и экстремизму.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что эволюция подходов Эр-Рияда по данному направлению началась еще до этих событий. При этом немалую роль в формировании новых оценок руководителей Королевства сыграл политический диалог с нашей страной, в том числе в рамках широкой разъяснительной кампании, которая велась нами в контексте северокавказских дел.

Посольство РФ в Эр-Рияде, прибывавшие в КСА российские делегации уделяли большое внимание проблематике терроризма. Наши представители подчеркивали, что терроризм становится международным явлением, усиливается связь различных террористических групп между собой. Это в полной мере относилось и к экстремистам, делавшим ставку на дестабилизацию обстановки на Северном Кавказе. Оказывать помощь такого рода элементам – это все равно, что запускать бумеранг, который рано или поздно вернется.

Одновременно внимание саудовцев привлекалось к реальному опыту других стран, в том числе и арабских (Египет, Алжир, Судан). В этом контексте, пожалуй, наиболее примечательными были уроки событий в АРЕ. Выезжавшие в Афганистан в годы правления президента А.Садата боевики впоследствии, по возвращении на родину, активно включались в борьбу за власть, используя весь арсенал методов террора. При этом подчеркивалось, что египетский «синдром» может повториться в тех странах, где отсутствуют барьеры на пути пропаганды радикальных и экстремистских идей, где не принимаются меры по противодействию попыткам финансирования террористических организаций и групп. Последующее развитие событий, в том числе в самой Саудовской Аравии, полностью подтвердило правильность наших оценок и предостережений.

Анализируя этапы эволюции политики саудовского руководства в вопросах терроризма, следует особо остановиться на событиях, произошедших в марте 2001 года, – взаимодействии с саудовскими властями в связи с предпринятой группой преступников попыткой угнать российский авиалайнер с гражданами РФ и ряда зарубежных государств на борту.

Справедливости ради необходимо отметить, что инцидент с авиалайнером и операция по освобождению заложников не получили достаточно объективного и полного отражения в СМИ. Между тем в результате усилий российских дипломатов в Эр-Рияде, взаимодействия с саудовскими властями удалось

сорвать преступный замысел чеченских боевиков, которые планировали перегнать самолет с заложниками к талибам в Афганистан. Злоумышленники рассчитывали, что в случае совершения посадки на территории Саудовской Аравии местные власти дадут согласие на дозаправку самолета и предоставят им возможность вылететь курсом на Кабул.

Немедленно по получении данных о захвате лайнера российское посольство в Эр-Рияде связалось с руководством КСА. Удалось достичь четкого обоюдного понимания в отношении того, что саудовские власти будут рассматривать угнанный самолет в качестве незаконно захваченного транспортного средства Российской Федерации и предпримут меры по недопущению его несанкционированного перелета в Афганистан. С самого начала удалось также договориться с саудовскими представителями в отношении того, что они будут рассматривать угонщиков в качестве преступников, а отнюдь не «политических беженцев» – со всеми вытекающими из этого последствиями.

Особенность положения заключалась в том, что российский самолет совершил посадку в священном городе Медине, где могут находиться лишь мусульмане. С учетом, в частности, и этого фактора власти КСА заявили о том, что берут всю ответственность за разблокирование ситуации на себя. Соответствующие саудовские службы планировали осуществить достаточно гибкую схему освобождения самолета путем «изматывания» террористов затяжными переговорами. Этот сценарий начал «срабатывать», удалось освободить первую часть заложников. Однако обстановка неожиданно в корне изменилась, когда угонщики обнаружили в пассажирском салоне пожарный специнвентарь, в том числе пожарные топоры. Используя эти средства, они начали взламывать заблокированную дверь, ведущую в отсек, в котором находился экипаж. Создалась непосредственная опасность для жизни российских летчиков, и по их просьбе немедленно были приняты меры по освобождению самолета и заложников. Главарь бандгруппы был убит, двое его помощников – несовершеннолетних родственников были арестованы, а затем осуждены шариатским судом на различные сроки тюремного заключения. О своей позиции и действиях по срыву попытки угона самолета саудовские власти информировали заинтересованные стороны, а также Генерального секретаря ООН⁷⁴.

Президент Российской Федерации В.В.Путин направил королю Саудовской Аравии Фахду телеграмму, в которой выразил благодарность за проявленную саудовскими властями солидарность, освобождение заложников и российского самолета⁷⁵.

В последующий период по каналам Интернета были распространены материалы чеченских сепаратистов, в которых содержалась острая критика властей КСА, принявших «сторону» официальных представителей РФ.

В целом данный эпизод можно характеризовать как весьма важный, в определенном смысле «рубежный» разворот в контексте выработки руководством КСА нового подхода к вопросам противодействия терроризму. При этом важно подчеркнуть, что эти события произошли за полгода до 11 сентября 2001 года.

Взяв за основу новый уровень взаимопонимания и растущего доверия российская и саудовская стороны интенсифицировали диалог по проблематике антитеррора. Эти вопросы неизменно включались в повестку дня переговоров российских и саудовских представителей.

В конце октября 2002 года правительство Саудовской Аравии, реагируя на трагические события в московском театральном центре на Дубровке, приняло специальное заявление, в котором выразило солидарность с семьями погибших, и решительно осудило терроризм во всех его проявлениях.

В сентябре 2003 года состоялся первый в истории двусторонних отношений официальный визит наследного принца Абдаллы (нынешнего короля) в нашу страну. Были проведены его переговоры с президентом России В.В.Путиным. Была достигнута договоренность о развертывании практической координации действий в борьбе против международного терроризма. В этом контексте стороны условились создать соответствующую рабочую группу экспертов⁷⁶.

Исключительно важным по своему политическому резонансу стал визит в Саудовскую Аравию в январе 2004 года президента Чеченской Республики А.Кадырова. Следует отметить, что в ходе контактов посольства РФ в Эр-Рияде по вопросам подготовки визита был согласован высокий статус пребывания законно избранного чеченского руководителя: он был принят в качестве гостя саудовского правительства. А.Кадыров имел встречу с Наследным принцем Абдаллой, которому передал послание Президента России В.В.Путина, провел беседы с мини-

стром иностранных дел С.Фейсалом, руководством Совета торгового-промышленных палат КСА, религиозными авторитетами Саудовской Аравии. В отдельном формате прошла встреча А.Кадырова и сопровождавшей его представительной делегации ЧР и ряда других регионов Северного Кавказа с деятелями культуры и науки Саудовской Аравии. Ее организатором стал видный саудовский бизнесмен и меценат Абдель Максуд Ходжа. Принимавший участие в этой встрече известный исламский богослов, автор более 40 книг по вопросам шариата А.Сабуни заявил: факты, озвученные российской делегацией, непреложно свидетельствуют о том, что люди, совершающие в Чечне террористические акты, встали на путь, который в корне противоречит духу и букве Корана⁷⁷.

Следует отметить, что последний период времени отмечен нарастающим противостоянием саудовских властей с радикальными и экстремистскими элементами внутри самого королевства. В мае 2003 года в саудовской столице был осуществлен крупный теракт, который привел к гибели нескольких десятков иностранных граждан и саудовских подданных. В дальнейшем экстремисты осуществили теракты в других городах КСА, делая все больший акцент на оказание психологического давления на иностранных специалистов и экспертов, побуждая их к выезду из страны. Так, были осуществлены теракты против иностранных граждан в городе Янбу – важнейшем центре нефтехимической промышленности и в городе Хобаре в Восточной провинции – районе, где сконцентрированы объекты нефтедобывающего сектора КСА. Эти акции были восприняты внутри Саудовской Аравии и за рубежом как объявление террористами «экономической войны» против саудовского режима.

Политическое руководство КСА в этих условиях резко активизировало работу правоохранительных служб, армии, Национальной гвардии, направленную на подавление ячеек террористов. Было арестовано более 500 заговорщиков, более 1000 человек прошли специальную проверку, были допрошены в связи с совершенными на территории КСА терактами⁷⁸.

В августе 2003 года Саудовская Аравия и США учредили специальную совместную рабочую группу по борьбе с терроризмом.

Одним из направлений борьбы с терроризмом стало осуществление Саудовской Аравией рекомендаций международных органов, курирующих проблематику противодействия финансовой подпитки террористических организаций и групп.

В мае 2003 года Саудовское валютное агентство издало циркуляр, содержащий новые правила осуществления операций банковскими учреждениями. Они предусматривали серьезное ужесточение контроля за деятельностью всех финансовых институтов в КСА, включая благотворительные общества и фонды. Эти правила указывали на необходимость открытия каждым из таких обществ единых консолидированных счетов, подлежащих проверке со стороны органов финансового мониторинга. За нарушение этих правил были заморожены счета 40 организаций и лиц. Саудовские компетентные органы передали «Интерполу» данные на 750 подозреваемых в связях с террористами и организациями, спонсирующими террор⁷⁹.

Важно отметить, что саудовское руководство осознало необходимость борьбы и против идейных корней экстремизма и терроризма. Были арестованы три наиболее известных клерикальных деятеля, выступавших с апологетикой экстремизма и идей силового противодействия властям – Али Худейр, Ахмед Халеди и Насир Фухейд. Им было предъявлено обвинение в том, что их проповеди содержали подстрекательские призывы к проведению терактов.

В феврале 2003 года Совет улемов КСА выпустил фетву, осуждавшую нападения на иностранных граждан на территории Королевства. В этом документе прямо говорилось, что навешивание на иностранцев, в том числе находящихся на работе в КСА, ярлыка «неверных» противоречит подлинным принципам ислама и является тяжким преступлением. В дальнейшем, в конце 2003 г. – начале 2004 г. был разработан и одобрен Советом улемов более «всеобъемлющий» документ – так называемая «антитеррористическая фетва», которая провозгласила, что терроризм прямо противоречит духу и букве Ислама и должен быть искоренен. Верующим предписывалось вести бескомпромиссную борьбу с любыми проявлениями экстремизма, разоблачать и выдавать властям пособников террористов⁸⁰.

В целом следует отметить, что в Саудовской Аравии происходит серьезный разворот в сторону более активного подключения этой страны к международным усилиям в сфере антитеррора. Такого рода процесс идет нелегко. Внутри Королевства остается еще немало сторонников радикальных взглядов и концепций. Однако практические действия заговорщиков, приводящие к жертвам, в том числе среди саудов-

ских подданных, вызывают все более широкое отторжение этих идей в обществе.

Российская Федерация – страна, одной из первых подвергшаяся атакам террористов, – сыграла вескую, рельефную роль в отмеченном выше развороте КСА в вопросах антитеррора.

Ближневосточный регион был и остается, по-видимому, наиболее «неспокойным» местом в мире. Нигде не существует такого числа острых проблем, затрагивающих сферу безопасности и обороны государств. При всем разнообразии причин, приведших к такому положению дел, просматривается нечто общее – дефицит доверия, отсутствие продуманных, соответствующих развитию обстановки, другими словами, реально «работающих» методов решения имеющихся проблем. Требуется свежий взгляд на создавшееся положение и, быть может, подбор качественно нового «инструментария» для выправления дел, обеспечения мирного переустройства ближневосточного и примыкающих к нему регионов, а также оперативного урегулирования возникающих вопросов путем максимально полного по глубине и охвату задействования политико-дипломатических средств. Тут, по-видимому, может быть предложено немало направлений движения и «рецептов», в том числе использование разнообразных мер доверия⁸¹.

Автор настоящей работы в своих выступлениях с конца 1990-х годов привлекал внимание к тому, что одним из центральных направлений усилий по выправлению нынешней ситуации, по-видимому, призвано стать формирование на Ближнем Востоке – в сопряжении с прилегающими регионами – пространства безопасности и сотрудничества на основе широкого применения мер доверия с тем, чтобы предотвратить, с одной стороны, конфликты, связанные с применением силы или угрозы силой, а с другой, нейтрализовать действия экстремистских и террористических сил. Движение в этом направлении может стать новым переговорным, а в будущем – и договорно-правовым форматом, который призван не заменять или подменять, а дополнять и развивать другие, в том числе уже сложившиеся механизмы (ближневосточный мирный процесс, усилия, предпринимаемые ООН и региональными организациями по «тушению» существующих конфликтов и т.п.)⁸².

Формирование пространства мер доверия в реальных сегодняшних условиях Ближнего Востока должно, по-видимому, иметь в качестве своей главной составляющей комплекс мер,

направленных на предотвращение вызовов и опасностей, которые возникают в результате деятельности экстремистских, террористических организаций и групп. С учетом этого особую актуальность приобретает ускоренное формирование региональной и международной стратегии борьбы с терроризмом⁸³.

Автор в период 1998–2001 гг. в своих статьях в журнале «Международная жизнь», а также в монографиях «Ближний восток: региональная безопасность и интересы России» (М., 1999 г.) и «Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности» (М., 2001 г.) предложил концепцию мер доверия применительно к Ближнему Востоку. Она была с одобрением встречена специалистами, использована ими при подготовке работ по этой тематике. Мы подчеркивали, что необходимо сконцентрироваться на разработке критериев определения опасной деятельности (в первую очередь, террористической и экстремистской), в отношении которых могут быть предприняты – в том числе в оперативном порядке – согласованные санкции. Движение в направлении создания такой системы мер можно было бы начать, отталкиваясь от позитивных достижений встречи в верхах лидеров ведущих стран мира, включая Россию, и региональных государств в Шарм аш-Шейхе («Саммит миротворцев», март 1996 года), а также наработок отдельных стран, в том числе арабских, заключивших ряд соглашений о борьбе с терроризмом на двусторонней и многосторонней основе⁸⁴.

Шарм аш-Шейхский процесс имеет ряд потенциально весьма продуктивных модальностей. Прежде всего он – уже по своему замыслу – органически связан с ближневосточным мирным процессом, улучшением общей военно-политической обстановки в регионе.

Другая его особенность – состав участников: страны региона, великие державы – члены Совета Безопасности, другие крупные и авторитетные государства, способные внести существенный вклад в определение международной стратегии борьбы с терроризмом.

Третье – тесная увязка в Шарм аш-Шейхском процессе региональных и глобальных аспектов борьбы против террористической опасности.

К сожалению, приходится констатировать, что инициатива египетского президента Х.Мубарака по созыву такого рода форума, заслужившая единодушное признание, не получила сво-

его дальнейшего развития. По существу, оказался неотработанным механизм «дальнейших шагов». Как представляется, следовало бы гораздо полнее использовать большой потенциал этого формата сложения усилий государств в противостоянии экстремизму и терроризму⁸⁵.

По-видимому, одной из самых актуальных задач (и это наглядно было продемонстрировано в связи с американскими ракетными ударами в 1998 г. по территории Судана и Афганистана) является формирование системы проверки возможных претензий и обвинений в терроризме или помощи террористическим элементам и организациям со стороны отдельных государств (в том числе, внерегиональных), которая могла бы рассчитывать на доверие всех заинтересованных сторон, включая тех, кто «не в ладах» друг с другом.

Создание такой системы способствовало бы предотвращению эскалации конфликтных ситуаций до такого уровня, когда имеет место применение военной силы. Естественно, новые институты не должны подменять существующие, в первую очередь ООН, Совет Безопасности. Вместе с тем следует принимать во внимание то, что ряд государств – в силу самых разнообразных причин – видит необходимость при решении этих вопросов более плотного задействования региональных институтов, в первую очередь за счет выработки широкого набора эффективных мер доверия. Со временем это могло бы привести к формированию регионального органа, в рамках которого было бы создано подразделение, специально занимающееся установлением фактов по запросам государств. В этом случае понадобится соответствующий потенциал для проведения экспертного анализа и инспекций. Создание такого органа могло бы помочь решению и некоторых нынешних трудностей, возникших в рамках ближневосточного мирного процесса⁸⁶.

Важной предпосылкой успешной борьбы с международным терроризмом, в том числе в ближневосточном регионе, является применение правильных дефиниций и выработка «стыкующихся» друг с другом подходов различных государств в вопросах антитеррора. Решение этой задачи сопряжено с большими трудностями, идет с большим трудом. Прежде всего необходимо отметить сохраняющуюся крайнюю «рыхлость», размытость самого понятия современного терроризма, наличие множественности толкований того, кто может быть отнесен к категории «террориста» (специалистами различных стран

выдвинуто уже более 140 формулировок). Причины «медлительности» в выработке универсальных критериев во многом кроются в стремлении некоторых экспертов привнести в тематику антитеррора элементы, связанные с «особыми» интересами отдельных политических групп и государств.

Весьма сложной, щепетильной проблемой является наличие наиболее «подверженных» влиянию террористов социальных, этнических и конфессиональных групп и слоев населения, из которых до сих пор рекрутировалось большинство боевиков. Терроризм – и это безусловно так – не следует ассоциировать с какой-либо религией и национальностью, ни одна религия не оправдывает убийства невинных людей. Но именно в интересах подтверждения этого «универсального» положения следует разобраться, в силу каких причин в подготовке и проведении терактов наиболее часто – во всяком случае, на данный момент – принимают участие представители вполне определенных этноконфессиональных групп населения.

Как представляется, трудности в сфере антитеррора во многом обусловлены также и гораздо более сложной, чем в прошлом, структурой качественно нового по масштабам своей деятельности террористического сообщества.

Так, можно с учетом накопленной к настоящему моменту информации достаточно четко выделить четыре «слоя» международного «террористического интернационала»⁸⁷.

Первый – непосредственные исполнители терактов. Как говорят представители правоохранительных органов ряда стран, в том числе ближневосточных, при аресте такого рода элементов в преобладающем большинстве случаев оказывается, что они мало что знают о «заказчиках» терактов, оперативная ценность их показаний весьма ограничена. Зачастую это либо «зомбированные», либо заблуждающиеся люди, имеющие свои «личные» основания быть недовольными существующим положением вещей. И все чаще речь идет об «обыкновенных» наемниках, преступных элементах, «работающих» за деньги. В целом лица, комплекующие этот «эшелон» террористических организаций, конечно, не делают погоды в вопросах определения стратегии действий. При этом именно они в основном гибнут в ходе антитеррористических операций. Имеются также данные и о том, что от них при необходимости предпочитают освободиться их же руководители, в том числе и для имитации «актов самопожертвования».

Второй «этаж» – ячейки «на местах» и организационные структуры, ведущие как вербовку исполнителей, так и отвечающие за практическое осуществление «сценариев» терактов. Этот, казалось бы, «вышестоящий» слой оргструктуры терроризма, как выясняется, мало чем отличается – в плане информированности и участия в принятии принципиальных решений – от исполнителей. Здесь также в основном лишь получают «приказы» и установки «сверху».

Третий «этаж» – руководители, в том числе главари – «символы» типа Бен Ладена. Приходится констатировать, что информация для общественного «потребления» в отношении их планов и целей зачастую поступает путем несложных манипуляций со СМИ, в т.ч. по каналам Интернета и при задействовании некоторых межарабских телеканалов, от них же самих. В этом отношении следует крайне осторожно походить к такого рода «сведениям». Важно было бы также разобратся, в силу каких причин от этих личностей исходят именно такие идеи, объяснения целей терактов, не уводят ли они сознательно в сторону от прояснения подлинной природы и намерений террористических организаций. В этом отношении еще предстоит выявить механизм «вброса» в международные СМИ подобных «документов».

Как представляется, правильно было бы говорить и о наличии и **«четвертого этажа» террористических организаций.** Это **глубоко законспирированные структуры**, не обязательно расположенные в гористых и труднодоступных местах в далеких странах. Именно прояснение того, что из себя представляют эти «конструкторы» и руководители современного терроризма, имеет решающее значение для более успешного противостояния этому злу. По нашему мнению, подоплекой террористической активности является финансовый интерес, стремление к получению политической власти, естественно, прежде всего в регионах, где для этого имеются определенные «стартовые» условия (арабские страны, страны Южной Азии и др.). Приспосабливаясь к антитеррористической кампании, эти структуры «расползаются» по всему миру, умело используя и злоупотребляя демократическими традициями населения многих государств, в том числе и стран Запада. В этом отношении оправданными являются мероприятия международного сообщества, направленные на то, чтобы вести борьбу с терроризмом «широким фронтом», в том

числе и в самих государствах, подвергшихся массированным атакам террористических групп.

В целом терроризм – как это все более становится ясно – является международным «проектом», имеющим многие составляющие, причем наиболее важной из них является финансовая «основа» этого феномена. Все больше становится фактов, подтверждающих взаимосвязь «новых» террористических организаций и «традиционных» преступных сообществ в сфере наркоторговли, нелегальной торговли оружием и т.п. К сожалению, работа правоохранительных органов, направленная на установление контактов между «старыми» преступными сообществами мафиозного типа и террористическим подпольем, пока только делает первые шаги⁸⁸.

Финансовая «составляющая» современного международного терроризма – это хорошо просчитанная акция, цель которой, как и любой финансовой операции, – обеспечить не только «возвратность», но и прибыльность вложенных средств. Поэтому терроризм выбирает по определенной логике как источники получения денег, так и «адресатов» финансовых вложений, осуществляемых в интересах террористических и органически связанных с ними структур.

Несколько слов об источниках финансовой «подпитки». К настоящему моменту выявлены в основном факты, касающиеся получения террористами денег из арабо-исламского мира. Это обусловлено рядом причин, в числе которых – огромный потенциал повсеместно собираемых благотворительных пожертвований. Согласно Корану, пожертвования в адрес нуждающихся – священный долг каждого правоверного. Путь к получению этих денежных потоков, в сущности, достаточно тривиален – обоснование тезиса об «обидах», нанесенных братьям по вере, а также необходимости оказания содействия мусульманам в «проблемных регионах» мира. Этим способом беззастенчиво пользовались в течение многих лет руководители радикальных и террористических организаций. При этом далеко не случайно, что террористические организации с самого начала обратили особое свое внимание на богатые нефтедобывающие государства Ближнего Востока. К сожалению, приходится констатировать, что в ряде случаев они на определенном этапе обеспечили себе «понимание» и поддержку со стороны части правящих элит этих стран. Это относится, в том числе, к Саудовской Аравии. В 1970–1980-е годы сложился

своего рода союз нового поколения исламистов-радикалов и некоторых саудовских элитарных групп. Радикалы обещали «динамичное» расширение сферы влияния ислама в сопредельных регионах и в мире в целом. Самым обширным плацдармом активности радикальных и экстремистских сил стал Афганистан.

В нашей политической работе мы постоянно обращали внимание руководителей арабских, мусульманских стран на бесперспективность и опасность для них самих курса на финансовую подпитку и другие формы помощи экстремистским и террористическим элементам и группам. Постепенно резонансность наших аргументов становилась все более очевидной. Но влиятельные структуры в этих государствах порою выдвигали такой аргумент: оказание помощи «зарубежным» радикалам, направление собственных «воинственно» настроенных элементов за рубеж, как им представлялось, давало возможность держать «опасные» элементы «подальше» от собственного дома. Это, в частности, было характерно для Египта периода президента А.Садата. Такая политика была недальновидной и привела к тяжелым последствиям, о которых мы предупреждали арабских политиков.

Следует отметить, что финансирование террористических элементов можно условно разделить на два типа. Первый – перевод денег по открытым, в т.ч. банковским каналам. Второй – нелегальная передача этих средств.

К сегодняшнему дню ситуацию можно было бы охарактеризовать следующим образом. Сделан большой шаг вперед в деле предотвращения трансфертов «подозрительным адресатам» по легальным каналам.

Что касается второго направления – «негласное» финансирование террористических организаций, то здесь ситуация намного сложнее. В печати приводились примеры существования разнообразных схем безналичной, нигде не фиксируемой передачи денег, в том числе, в виде так называемой «хавалы» – достаточно распространенной в мусульманских странах системы предоставления «под честное слово» крупных сумм денег. Однако, как выясняется, особой необходимости в такого рода ухищрениях на практике не существует. Границы между государствами Аравийского полуострова на протяжении десятков километров остаются прозрачными, чем активно пользуются, – судя по выступлениям руководителей правоохранительных ор-

ганов и опубликованным в СМИ материалам, – преступные элементы, в том числе связанные с террористами. В силу этого одним из важнейших практических направлений пресечения поступлений денег террористам является оказание помощи странам региона в защите их границ.

Как представляется, ближневосточный аспект антитеррористической проблематики нуждается в дальнейшем глубоком изучении с привлечением сил специалистов и экспертов по различным аспектам антитеррора.

Необходимо отказаться от упрощенных и устаревших штампов и схем, касающихся ситуации в арабо-мусульманском мире. Обстановка там достаточно динамично развивается. Радикалы теперь уже открыто ведут дело к захвату власти, что объективно противопоставляет их традиционным элитарным группам населения. В этих условиях важно утвердить курс на дальнейший «отрыв» всех государств региона Ближнего Востока от любых форм поддержки террористов и радикалов. Для этого необходимо поддерживать позитивные подвижки в позиции этих стран, влиятельных политических и общественных сил, вести с ними на постоянной основе диалог, расширять сферу практического взаимодействия на антитеррористическом направлении.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации А.Е.Сафонов отмечал: «Люди, избравшие террор, их ячейки, группировки являются частью одного целого – того, что все чаще правильно называют «террористическим интернационалом». Именно поэтому, кстати, террористы так легко и быстро находят друг с другом общий язык, не конкурируют, а активно взаимодействуют, причем невзирая на тактические, а иногда и стратегические разногласия между ними. В желании и умении сотрудничать террористы порой, к сожалению, все еще опережают государства и их правоохранительные органы. Им не нужно долго согласовывать свои преступные планы путем преодоления длительных внутригосударственных административных процедур и сложных дебатов за столом переговоров. Террористов всех мастей – и в России, и, например, в Европе – объединяет полное отсутствие базовых моральных ценностей Человечества, откровенный цинизм, явное, даже агрессивное пренебрежение человеческой жизнью. И стратегия у них общая – стремление запугать мировое сообщество, навязать ему свою волю и порядки, более того,

поставить под свой контроль целые территории, как это было в Афганистане и не только там. В Чечне террористы тоже не скрывали своих захватнических целей – создать некий «халифат от Черного до Каспийского моря», для чего отторгнуть от России ряд республик и областей»⁸⁹.

В сентябре 2004 года в Беслане террористические элементы совершили крупный террористический акт – нападение на школу, взятие в заложники сотен детей. При проведении операции по освобождению людей имели место многочисленные жертвы.

8 октября 2004 года Совет Безопасности по инициативе России единогласно принял резолюцию 1566, которая выводила контртеррористическое сотрудничество под эгидой ООН на качественно новый уровень. Как отметил в своем заявлении по данному вопросу министр иностранных дел РФ С.В.Лавров, трагедия Беслана еще раз показала, что угроза международного терроризма нависла над всеми странами и континентами, а его проявления становятся все более дерзкими и бесчеловечными. События в Беслане вместе тем послужили и жестким стимулом для шагов по укреплению сплоченности антитеррористической коалиции.

В резолюции 1566 было конкретизировано определение терроризма, которое стало охватывать преступные насильственные действия, включая захват заложников, предпринимаемые не только с целью посеять страх среди гражданского населения, но и в попытке повлиять на политику государств и международных организаций.

Особое значение имело положение резолюции, в соответствии с которым все государства должны были взять обязательство привлекать террористов, их пособников и спонсоров к ответственности на основе принципа «либо выдай, либо суди».

Резолюцией также предусматривалась разработка принудительных мер, применяемых к отдельным лицам, группам или организациям, причастным к террористической деятельности, причем эти меры могли распространяться на любых террористов, а не только на тех, кто был включен в списки СБ ООН по «Аль-Каиде» и талибам. Было решено также рассмотреть вопрос об учреждении международного фонда выплаты компенсаций жертвам терактов и членам их семей, который мог бы частично финансироваться за счет конфискованных у террористов средств.

В соответствии с буквой и духом этой резолюции Российская Федерация серьезно активизировала свою работу на антитеррористическом направлении, в том числе, под углом зрения взаимодействия со странами ближневосточного региона.

Одна из наиболее сложных и актуальных проблем в контексте противодействия терроризму – определение правильной тактики в отношении радикальных групп и элементов, которые используют для пополнения своих рядов и расширения влияния нерешенность конфликтных и кризисных ситуаций, низкий уровень жизни населения. Приход к власти в ПНА группировки ХАМАС показал масштабы такого рода проблемы.

Как представляется, следует сделать самые серьезные выводы из произошедшего на территориях, переданных под контроль Палестинской национальной администрации. «Сбои» в урегулировании ближневосточного конфликта, слабость лидеров ПНА, уход их от решения конкретных социально-экономических задач создали основу для перехода власти к альтернативным силам, в т.ч. радикалам. Вместе с тем ясно, что курс на усиление противостояния – это возвращение назад, путь в тупик.

Победа ХАМАС – еще одно свидетельство неэффективности нынешней стратегии действий международного сообщества и региональных ближневосточных институтов в решении проблем безопасности, а также социально-экономического развития. Требуется внесение серьезных корректив в эту стратегию с тем, чтобы «естественная» эволюция ситуации не приводила к переходу власти к радикальным элементам, идеологически, а в ряде случаев и организационно близким к террористическим организациям.

Заключение

«ДОРОЖНАЯ КАРТА» СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Развитие событий на Ближнем Востоке свидетельствует о том, что существующие кризисные ситуации имеют тенденцию к все большей взаимозависимости.

«Традиционные» противоречия между расположенными здесь странами, а также внерегиональными «центрами силы», «старые» кризисы и конфликты не находят своего разрешения. Наоборот, спектр разногласий, диапазон конфликтов становится все шире. Это во многом связано с расширением «набора» озабоченностей сторон. Так, Израиль в настоящее время – в дополнение к озабоченностям, связанным с арабо-израильским конфликтом, постоянно подчеркивает свою глубокую обеспокоенность планами Ирана, в том числе в сфере вооружений.

Проблема экстремизма и терроризма становится стержневой региональной проблемой. Она имеет самый непосредственный «выход» на вопросы взаимодействия между палестинцами и израильтянами, в целом на арабо-израильские отношения. Ситуация в Персидском заливе, в том числе, в Ираке, тесно переплетается с общерегиональной обстановкой.

Все это обуславливает необходимость выработки качественно новой стратегии действий в вопросах региональной безопасности, отход от традиционных оценок, подходов и схем, которые, как выясняется, «не работают», не дают сколько-либо существенного продвижения в плане создания в регионе прогнозируемой и стабильной системы взаимодействия расположенных здесь стран.

С учетом этого **первым шагом**, как представляется, должна быть **разработка всеобъемлющей ближневосточной концепции региональной безопасности**, рассчитанной на взаимный учет и взаимную увязку интересов и озабоченностей всех основных расположенных здесь государств. Такая работа

могла бы быть осуществлена первоначально на экспертном уровне авторитетной международной комиссией с участием специалистов высокого уровня, желательно, имевших опыт дипломатической деятельности в регионе. В настоящем исследовании приводились примеры такого рода работы («Женевский документ» Й.Бейлина – Я.Абд аль-Раббо, предложения Независимой международной группы экспертов во главе с М.Ахтисаари и Г.Эвансом).

В случае, если специалисты считают целесообразным «раздвинуть» территориальные рамки охвата этого документа, можно было поставить вопрос о том, что это будет **концепция «трансрегиональной безопасности»** с включением в зону действия таких стран, как Иран, Турция или даже государства Южной Азии.

Итогом этой работы должен был бы стать документ, «синтезирующий» проблематику региона и предлагающий возможные формы создания инструментов для надлежащего учета мнения сторон, озабоченностей расположенных здесь государств.

Уже на этом этапе должен был бы быть «вчерне» решен вопрос о **структуризации** проблемы региональной безопасности применительно к Ближнему Востоку.

На наш взгляд, в число «файлов» или «досье» должны были бы войти:

- определение **территориальных рамок** будущей системы безопасности;

- определение основных **озабоченностей сторон в сфере безопасности**. Следует отметить, что попытки создать своеобразный реестр таких озабоченностей уже предпринимались ранее⁹⁰;

- определение **круга участников** системы безопасности, в том числе «внерегиональных»;

- **«отбор» основных «тематических блоков» и аспектов проблематики региональной безопасности;**

- **определение последовательности шагов** в направлении формирования региональной структуры безопасности;

- **определение модальностей (организационных рамок) работы;**

Вторым шагом могло бы стать проведение **международного общественно-политического форума** для утверждения упомянутых предложений. Участие в такого рода форуме должны были бы принять специалисты по Ближнему Востоку,

политические, общественные и религиозные деятели. В рамках этого мероприятия важно было бы получить определенные результаты, в частности, по такому вопросу, как пути реанимации арабо-израильского мирного процесса, нахождение новых организационных форм «подвода» его участников к компромиссным развязкам.

Третий шаг – передача заинтересованным сторонам – государственным структурам пакета документов, разъясняющих существо указанной концепции.

Четвертый шаг – созыв представительной международной конференции по всеобъемлющему урегулированию на Ближнем Востоке с участием как независимых экспертов, так и представителей властных структур заинтересованных государств.

В рамках конференции можно было осуществить формирование **рабочих групп по ключевым аспектам региональной безопасности:**

– **выработка общерегионального документа** (Хартия региональной безопасности), регулирующего взаимоотношения между расположенными здесь странами;

– **проблема формирования общерегиональных органов поддержания мира и обеспечения безопасности.** Как представляется, речь могла бы идти о Региональном совете безопасности с участием всех расположенных здесь стран, а также внерегиональных спонсоров – членов СБ ООН и большой «восьмерки»;

– **проблема формирования единого экономического пространства,** разработка общерегиональных проектов (энергетика, водоснабжение и т.п.).

Пятый шаг – созыв Международной конференции для принятия итоговых документов, в том числе Хартии (Кодекса) поведения стран региона.

В рамках работы конференции можно было бы – уже на новой платформе вернуться к проблеме создания надежных инструментов поддержания мира и безопасности в регионе. В этом плане можно было предложить создание Центра миротворчества, формирование миротворческих бригад (представляет интерес, что африканские страны уже в практическом плане работают над реализацией такой задачи и имеют неплохой задел идей в этой сфере). Следовало бы также создать Центр мониторинга для осуществления функций кон-

троля за выполнением совместных соглашений и договоров в сфере безопасности.

Как представляется, параллельно с формированием вышеупомянутых механизмов совершенно новые возможности должны были бы появиться в сфере экономики. Такие механизмы должны были бы включать все страны «расширенного региона». По-видимому, арабским странам следовало бы объективно проанализировать – с практической точки зрения – все «за» и «против» их тактики экономического бойкота Израиля, обсудить, под углом зрения своих же интересов, что могло бы дать «дозированное» подключение Израиля к общерегиональным объектам в сфере энергетики, экологии и т.п. Возможно, что новая тактика в этой сфере могла бы – помимо всего прочего – дать весьма мощный стимул для проявления еврейским государством большей кооперабельности, укрепило бы «лагерь мира», подорвало влияние наиболее жестко настроенных политических сил и группировок как в стане арабов, так и в Израиле.

В целом все более очевидной является необходимость комплексного решения проблем безопасности Ближневосточного региона на основе принятия уже в самом ближайшем будущем программы действий расположенных здесь стран, международного сообщества в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Раздел 1

¹ См. Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности. М., 2001, с. 26.

² Там же, с. 27.

³ Там же, с. 28.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 32.

⁶ Там же, с. 50.

⁷ «Ответ заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации А.В.Салтанова на вопрос российских СМИ относительно палестино-израильского урегулирования». Департамент Информации и печати МИД РФ, 20 ноября 2003 года.

⁸ Там же.

⁹ «MIDDLE EAST ENDGAME 1: GETTING TO A COMPREHENSIVE ARAB – ISRAELI PEACE SETTLEMENT». 16 JULY 2002. AN INTERNATIONAL CRISIS GROUP. MIDDLE EAST REPORT N 2, AMMAN/ WASHINGTON/ BRUSSELS.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² На это указывают арабские исследователи, в частности Ахмед Селим аль-Борсан, опубликовавший статью «Большой Ближний Восток: политические и стратегические параметры» в египетском журнале «Ас-сияса ад-дуалия» («Международная политика»), Каир, № 158, октябрь 2004 года.

¹³ Там же, с. 15.

¹⁴ Oil and Water. Cooperative Security in the Persian Gulf. Ed. by B. Meller, New York – London, 2001.

¹⁵ Ibid, с. 58–69.

¹⁶ См. Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности. М., 2001, с. 36.

¹⁷ Ас-Сияса ад-дуалия (Международная политика), Каир, июль 2005, № 161, с. 11.

¹⁸ См. также: Бакланов А.Г. Ближневосточный узел противоречий // Международная жизнь 2004, № 4–5, с. 154–155.

¹⁹ Бакланов А.Г. Варианты решения палестинской проблемы ограничены // Независимое военное обозрение, 26.11.2004.

²⁰ Там же.

²¹ См. Baklanov A. Major Developments in the Middle East // International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations. 1999. Vol. 45, № 2; Baklanov A. The Iraqi dossier is not closed // International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations. 1998. Vol. 44, № 2; Baklanov A. After the nuclear tests in South Asia // International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations 1998. Vol. 44, № 4; Baklanov A. NATO Mediterranean Dialogue // International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations. Vol. 46, № 2; Baklanov A. Russia and the Arab World Should Resume Dialog // International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations. 2003. Vol. 49, № 1; Baklanov A. Oil Gains are talking // International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations. 2003. Vol. 49, № 5; Baklanov A. Middle East Knot of Contradictions // International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations. 2004. Vol. 50, № 3; Бакланов А.Г. Ближний Восток: региональная безопасность и интересы России. Исследование Центра международных исследований МГИМО МИД России. М., 1999; Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности. МГИМО – Университет. М., 2001; Бакланов А.Г. Ближневосточный перекресток (К созданию системы коллективной безопасности на Ближнем Востоке). // Международная жизнь, 1998, № 4; Бакланов А.Г. После ядерных взрывов в Индии и Пакистане (К укреплению режимов нераспространения на Ближнем Востоке). // Международная жизнь, 1998, № 7; Бакланов А.Г. Драматические события на Ближнем Востоке требуют реальных мер доверия // Международная жизнь, 1999, № 1; Бакланов А.Г. Средиземноморские диалоги НАТО // Международная жизнь, 2000, № 2; Бакланов А.Г. Новые вызовы и угрозы // Международная жизнь, 2000, № 12; Бакланов А.Г. Россия и Саудовская Аравия, два нефтяных гиганта // Международная жизнь, 2003, № 7; Бакланов А.Г. Ближневосточный узел противоречий // Международная жизнь, 2004, № 4–5; Бакланов А.Г. Саудовский разворот? // Международная жизнь, 2004, № 9.

²² Бакланов А.Г. Ближневосточный узел противоречий // Международная жизнь, 2004, № 4–5.

²³ Стенограмма пресс-конференции Президента России В.В.Путина для российских и иностранных журналистов. 31 января 2006 года. Официальный сайт Президента Российской Федерации.

Раздел 2

²⁴ См. Бакланов А.Г. «Аль-Каида» взяла на прицел нефтяные вышки // Независимое военное обозрение, 18.03.2005.

²⁵ Там же.

²⁶ См. Халед ибн Султан. Воин пустыни. Личный взгляд на войну в Заливе командующего Объединенными вооруженными силами. М., 1996.

²⁷ Там же.

²⁸ Ашраф Мохаммед Кишк. Безопасность в Заливе после войны в Ираке // Ас-сийаса ад-Дуалийя (Международная политика), Каир, январь 2004, № 155, с. 38.

²⁹ См. Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности, с. 94.

³⁰ Там же.

³¹ Бакланов А.Г. После ядерных взрывов в Индии и Пакистане (К укреплению режимов нераспространения на Ближнем Востоке) // Международная жизнь, 1998, № 7, с. 26.

³² Интервью заместителя Министра иностранных дел России Ю.В.Федотова газете «Время новостей», 21 ноября 2003 года.

³³ Бакланов А.Г. Ближневосточный перекресток // Международная жизнь, 1998, № 4, с. 78; Baklanov A. The Iraqi dossier is not closed // International affairs. A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations. 1998, Vol. 44, № 2.

³⁴ Там же, с. 79.

³⁵ Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности, с. 98.

³⁶ Примаков Е.М. Предлагалось С.Хусейну отказаться от поста // Международная жизнь, 2003, № 12, с. 5.

³⁷ См.: Ас-Сиясат ад-Дуалийя (Международная политика). Каир, январь 2004, № 155, с. 6.

³⁸ Мунтассер Аль-Амеддин. Международная конференция по вопросам реконструкции Ирака // Ас-Сиясат ад-Дуалийя (Международная политика), Каир, январь 2004, № 155, с. 47.

³⁹ Там же.

⁴⁰ См. Бакланов А.Г. «Аль-Каида» взяла на прицел нефтяные вышки // Независимое военное обозрение, 18.03.2005.

⁴¹ Ашраф Мохаммед Кишк. Безопасность в Заливе после войны в Ираке // Ас-сийаса ад-Дуалийя (Международная политика), Каир, январь 2004, № 155.

⁴² Там же.

⁴³ Бакланов А.Г. «Аль-Каида» взяла на прицел нефтяные вышки // Независимое военное обозрение, 18.03.2005.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Бакланов А.Г. Средиземноморские диалоги НАТО // Международная жизнь, 2000, № 2.

⁴⁶ Бакланов А.Г. «Аль-Каида» взяла на прицел нефтяные вышки // Независимое военное обозрение, 18.03.2005.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Oil and Water. Cooperative Security in the Persian Gulf. Ed. by B. Meller, New York – London, 2001, с. 268.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid., с. 312–320.

⁵¹ Ibid., с. 324–325.

⁵² Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности, с. 140.

⁵³ Бакланов А.Г. Ближний Восток: региональная безопасность и интересы России. Исследование Центра международных исследований МГИМО МИД России. М., 1999, с. 71.

⁵⁴ Там же, с. 72.

⁵⁵ Бакланов А.Г. «Аль-Каида» взяла на прицел нефтяные вышки // Независимое военное обозрение, 18.03.2005.

⁵⁶ Бакланов А.Г. Ближний Восток: региональная безопасность и интересы России. Исследование Центра международных исследований МГИМО МИД России. М., 1999, с. 75–76.

⁵⁷ Бакланов А.Г. Ближний Восток: региональная безопасность и интересы России. Исследование Центра международных исследований МГИМО МИД России. М., 1999, с. 77; Бакланов А.Г. «Аль-Каида» взяла на прицел нефтяные вышки // Независимое военное обозрение, 18.03.2005.

⁵⁸ Бакланов А.Г. Саудовский разворот? // Международная жизнь, 2004, № 9, с. 89–90.

Раздел 3

⁵⁹ См. Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности. М. 2001, с. 105.

⁶⁰ Там же, с. 106.

⁶¹ Там же.

⁶² Бакланов А.Г. Моджахед добра не помнит. Арабские страны развернули антитеррористическую борьбу // Независимое военное обозрение, № 39, 15.10.2004.

⁶³ The Arab Strategic Report. 1993 // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. Cairo, 1995, с. 343.

⁶⁴ Это обстоятельство вызывает сегодня особую тревогу за будущее мирного процесса, в том числе, в контексте соблюдения

эventуальных договоренностей между Израилем и арабскими странами.

⁶⁵ Ат-такрир аль-Истратиджий аль-арабий» 1998 (Стратегический арабский доклад) / Центр стратегических исследований «Аль-Ахрам». Каир, 1998, ч. 323.

⁶⁶ Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности. М. 2001, с. 109.

⁶⁷ Российская газета, 10.03.2006.

⁶⁸ Сообщение пресс-службы Президента Российской Федерации. Информационный бюллетень ДИП МИД РФ 12 сентября 2001 г.

⁶⁹ Ответы официального представителя МИД России А.Я.Яковенко на вопросы РИА «Новости» о ситуации в Афганистане и вокруг него. ДИП МИД РФ 30 июня 2001 г.

⁷⁰ Дипломатический вестник, февраль 2000, № 2, с. 21.

⁷¹ Бакланов А.Г. Россия и Саудовская Аравия, два нефтяных гиганта // Международная жизнь, 2003, № 7, с. 74.

⁷² Дипломатический вестник, февраль 2000, № 2, с. 17–18.

⁷³ Бакланов А.Г. Саудовский разворот? // Международная жизнь, 2004, № 9, с. 85.

⁷⁴ Там же, с. 89.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, с. 90.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, с. 91.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, с. 92.

⁸¹ Бакланов А.Г. Драматические события на Ближнем Востоке требуют реальных мер доверия // Международная жизнь, 1999, № 1.

⁸² Бакланов А.Г. Драматические события на Ближнем Востоке требуют реальных мер доверия // Международная жизнь, 1999, № 1; Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности. М. 2001, с. 140–145 и др.

⁸³ Бакланов А.Г. Драматические события на Ближнем Востоке требуют реальных мер доверия // Международная жизнь, 1999, № 1, с. 19.

⁸⁴ Бакланов А.Г. Драматические события на Ближнем Востоке требуют реальных мер доверия // Международная жизнь, 1999, № 1, с. 20.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же, с. 21.

⁸⁷ Бакланов А.Г. Моджахед добра не помнит. Арабские страны развернули антитеррористическую борьбу // Независимое военное обозрение, 15.10.2004, № 39.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Ответы заместителя Министра иностранных дел России А.Е.Сафонова на вопросы итальянской газеты «Опиньоне делле либерта» по проблематике терроризма, МИД России, Департамент информации и печати, 4 февраля 2004 г.

Заключение

⁹⁰ National Threat Perceptions in the Middle East, United Nations. UNIDIR Reasearch paper № 37, New York and Geneva. 1995.

SUMMARY

The work reveals the causes of the constant instability in the Middle East and stagnation of the Arab-Israeli peace process.

The author – an experienced diplomat and scholar – defends the notion that only integrated approach embracing all interrelated hot issues in the Middle East (Arab – Israeli conflict, Iraq, Iran, Persian Gulf tensions, expanding activities of the extremist and terrorist elements) can «cure» the deteriorating situation in the region.

Taking this as a primary premise he outlines the set of concrete measures – the relevant Road Map – which is aimed at the establishment of the Comprehensive Cooperative Middle East Security System.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев**: "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зезв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин**: "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский**: "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко**: "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар**: "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн**: "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов**: "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов**: "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".
120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна.**

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
- 129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".
138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
141. **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривластной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
161. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".

2006 г.

162. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
163. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
164. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Rus-
sian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays)
(In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays)
In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
 In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20, (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**.

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**.
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis".
124. Analytical records. "Terrorism".
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East".
130. "The Contemporary Middle East" № 21, (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East".
132. Analytical records. "Problems of the Middle East".
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22, (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict".
137. Analytical records. "Iran".
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays)
Edited by **Alek D. Epstein.**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23, (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
152. "The Contemporary Middle East" № 24, (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century"
158. "The Contemporary Middle East" № 25, (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26, (collection of essays)
160. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.M.Mokhova**
161. "'Leftists" in the Middle East: Libyan experience" by **A.V.Rjasov**

2006 г.

162. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
163. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
164. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays)

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

Научное издание

А.Г. Бакланов

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК: «ДОРОЖНАЯ КАРТА»
РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Подписано в печать 20.05.2006 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 8,5 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 100

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»